

Александр
ТИТОВ

Липецкая область

Обед на свежем воздухе

повесть

Часть первая.
«ЖЕЛЕЗНЫЙ» СТАРИК

Старик заблудился

Жарким полднем Пал Иваныч услышал, как из густого сливового молодняка кто-то позвал его жалобным голосом. Бесстрашный старик, схватив палку, вломился в кусты и, не обнаружив неизвестное несчастное существо, сам очутился в плену тонких пружинистых стволов — ни вперёд, ни назад. Кричал полдня, стонал всю ночь. Так и заснул, покачиваясь, валясь на упругую поросль то спиной, то грудью. Дрожал во сне от холода — ночные листья вокруг побрякивали, мерцали серебристыми островками.

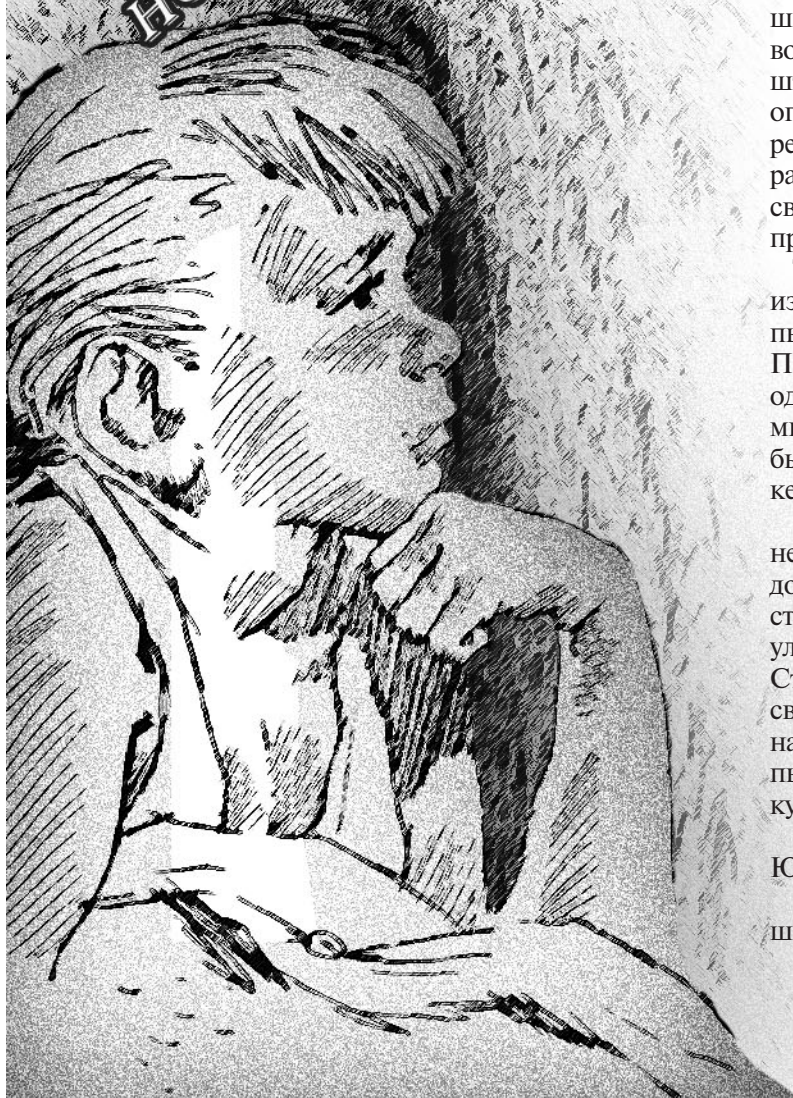
Юрик, шестнадцатилетний сосед, мальчик малого роста с упрямым бледным лицом, услышал поутру глубокий вздох в заброшенном сливовом саду. Перемахнул через покосившийся штакетник на соседний огород, обрушив колья ограды. Так и посыпались трухлявые куски дерева, пачкая брюки сухой зелёной плесенью. С расцарапанным лицом, в облаке росы, радужно сверкающей в утренних лучах солнца, предстал пред Пал Иванычем его спаситель.

Тащил он старика из кустов с трудом, словно из болота, — обмякшего, с поникшей, будто у пьяного, головой. Отвёл в низенький дом, где Пал Иваныч вот уже лет тридцать жил совсем один. Уложил на топчан, облегчённо выпрямился: никогда не думал, что старики могут быть такими тяжёлыми! Подогрел на коптящей керосинке молоко, дал старику попить.

Пал Иванычу получше. Он поведал о своей недавней смерти, которая шелестела в зарослях до самого утра. Всегда думал, что она из себя старая уродина, а эта оказалась молодая стерва: улыбалась нехорошей улыбкой в зелёной мгле... Старик по привычке пообещал, что отыщет всех своих врагов и расстреляет. Но прежде надо найти револьвер — забыл, куда схоронил. Он пытался встать с топчана, но не смог, стонал — кусты за ночь наломали бока.

— Давайте я вырублю эти сливы? — предложил Юрик.

Когда-то давно к Пал Иванычу приходили из школы тимуровцы, а теперь все про него забы-

ли. Юрик думал о том, что воздух над летними деревьями жаркий и неподвижный. Травинки в глубокой тени светлые, словно нарезанные ножницами полоски бумаги.

— Сделай одолжение, юный товарищ, освободи огород от дикой поросли, я там пройти не могу! Долой джунгли! — Пал Иваныч взмахнул тощей, как палка, рукой.

Старику около девяноста лет. Он бывший активист, в советские времена неперемный член уличного комитета, совета ветеранов и прочих общественных комиссий. Пал Иваныч то и дело заговаривается, несёт разную чепуху о прошлом.

К обеду ветеран оклемался и, водрузив на голову фуражку-сталинку с высоким верхом, отправился, пошатываясь на крепком ветру, в администрацию на совещание, куда его никто не приглашал. Он не пропускал подобных мероприятий, а когда его не пускали в зал, принимался стучать по двери костылём. Садился всегда в первом ряду, бесцеремонно сгоняя с места какого-нибудь молоджавого чиновника в костюме при галстукке. Оглядевшись в зале, Пал Иваныч снимал свой музейный, внушающий страх картуз и, опершись на костыль, подрёмывал, слушая вполуха докладчика. Блестела коричневая, в шрамах лысина. Шевелился на дряблой шее пух седых волос.

Под конец совещания старик просыпался, вскакивал со стула, брёл к трибуне, нервно тюкая палкой. Подойдёт, уставится на докладчика, читающего по бумажке. Старик мгновенно смутит его своим испепеляющим взглядом. Оттолкнув оратора и навалившись на трибуну, Пал Иваныч закатывал невразумительную речь об идеях справедливости, равенства и братства. «Куда идём, товарищи?.. Если вы так и дальше будете вести, то непременно угодите в ловушку коррупции!..»

Выступления Пал Иваныча всегда были вроде концерта. В зале лёгкий снисходительный хохот. Областные чиновники, плохо знавшие ветерана, приказывали удалить его из зала. Старик сопротивлялся, растарáщивался, махал палкой, норовя скинуть со стола президиума графин с водой.

Сливóвый народ

Юрик пошёл в сарай, нашёл поржавевший топор. Подточил его на бруске. Брусок тоже старинный, ровесник Пал Иваныча — сырой от дождей, скругленный, с протёртой канавкой посередине.

Сливовая миниатюрная «тайга» заполнила огород, на котором старик давно уже ничего не сажал, кроме грядки огурцов да нескольких былинко чеснока. Зелёной щетинкой торчал лук-столетник — готовая Пал Иванычева закуска. Старые сливы засохли на корню. С гладких серых стволов осыпалась кожа.

В молодых непроходимых зарослях обжились птицы, навили гнёзд. В них выводились птенцы, которые беспрерывно разевали широкие, шире самих младенцев, жёлтые клювы, жадно напрягали розовые горлышки в ожидании пищи. Если Юрик находил такие гнёзда, старался не беспокоить, а над головой его всегда пищала, громко трепеща крылышками, перепуганная птичка-мать.

Не спеша, не сильно замахиваясь, бил наискосок топором под каждую сливу-прутик. Тупой топор зарывался в мягкую землю, с глухим треском подсекая невидимый корешок. Глянцевито-зелёная листва шумела над головой Юрика, который по сравнению с этим лесом казался великаном.

Топор со свистом рассекал воздух, пугая жучков и крылатых насекомых, взлетающих с пушистых, согревающихся на солнце кустов. Юрику приятно кататься огромным и страшным для всей прочей мелочи.

Он часто отдыхал, садился на мягкую землю, взрыхлённую топором. Затем вставал во весь рост, смотрел вокруг, вольно дышал. Так смотрит завоеватель на страну, которая вот-вот ему покорится. Кровь густо гудела в руках, в голове, звала к чему-то неизведанному...

— Много их, однако... — Юрик охватывал взглядом деревца, казавшиеся сплошной чернотой под вставшим к полудню солнцем. — Неужто не одолею их к приходу Пал Иваныча?

После каждого удара слышалось тихое хрумканье под слоем земли. Так иногда булькает в животе человека. Маленькая слива ещё стояла, но была мертва, падала от малейшего прикосно-

вения. Некоторые сливки не хотели валиться набок, сопротивлялись, дрожали всем своим тонким, в палец, стволом, осыпали лицо и руки холодными, хранящими капельки росы листьями. И тогда Юрика охватывал необъяснимый ужас... Но коли взялся за гуж... Приходилось повторно подсекать маленькие упрямые деревца.

Работа шла всё труднее, Юрик злился, колотил топором яростно и бестолково, словно дуб валил. Промахивался к великой своей досаде — топор по самый обух скрывался в разрыхлённой, ходившей волнами земле. Прутик подрубленной сливы качался, словно мачта игрушечного парусника.

Дальше, в глубине сада, деревца стояли выше и крепче. Эти уже не «дети», но «юноши», они и вовсе не хотели поддаваться. Юрик лупил топором куда попало, почти не видя опостылевшие сливы, сметая всё подряд на своём пути, круша ненавистные побеги, яростно топчя духмяное месиво кирзовыми отцовскими сапогами. Ногам было жарко, словно в парилке.

Почувствовал жжение в пальцах: ладонь покраснела, на ней вздулась огромная мозоль, жемчужно светящаяся сквозь потёртую розовую кожу.

Юрику стало жаль себя — вот как запалился с этими глупыми сливами! Отдышался, огляделся. Листва на срубленных деревцах сохла, скручивалась в серые трубки, оборачиваясь к солнцу светлой исподней стороной.

Пал Иваныч о природе

«Железный» старик ненавидит природу вообще: «Много из себя воображает! Мучает трудящихся холодами-голодами, а также разнообразными желаниями. Бесплатно дарит свою бесполезную красоту, вызывающую у мыслящего человека раздражение...» Рассуждая таким образом, ветеран сбивался на свою нелюбимую тему: закат — натуральный флаг отмщения, символ гибели природных богов. В красках заката — кровь существ, погубленных историческим ходом времени... Не старик, а ходячая деревенская философия!

Юрик боевито вскрикнул и ринулся в последнюю атаку. Удар, ещё удар — прорвалась мозоль, обдав ладонь липким неприятным холодком. Не

обращая внимания на боль, Юрик остервенело махал топором, выкрикивая непонятные слова.

— Брось! — посоветовал подошедший Пал Иваныч. Старик был в хорошем настроении — вдоволь наругался с местными чиновниками, всех раскритиковал, отвел душу. — Эти заросли не одолеешь. Я их уже лет пятьдесят вырубаю, а они все равно прут из земли как оглашенные. Природа — штука упрямая. Её не переборешь в высшем смысле борьбы — к ней подход нужен. Даже если я помру возле этих слив, ничего от этого в диалектическом мире не изменится... Сбегай, братец Юрик, за водкой в киоск. Вот деньги! Купи какой-нибудь фальшивой гадости, а я тут на брёвнышке отдохну...

Юрик взял деньги, швырнул на землю топор и, не оглядываясь, пошёл домой переодеваться.

Старик ходил в старых хромовых сапогах по мягким поваленным росткам, бормоча обычные рассуждения насчет того, что люди тоже имеют судьбу кустарника: плох человек или хорош, а рубить его надо...

В диком саду

Сидят со стариком в саду, в тени старой ветвистой яблони, на поваленном, вросшем в землю бревне. Вместо стола — пенёк, покрытый с теневой стороны жёлтыми худосочными грибами. Прикоснёшься к ним ногтем — отваливаются холодные скользкие чешуйки.

Пал Иваныч помаленьку наливает себе из бутылки, опорожнил её на треть. Водка фальшивая, неизвестного производства, с криво приклеенной этикеткой. Ветеран пьёт без всякого страха — знает, что его не берут никакие яды. На пенёке зелёная толстостенная рюмка, тусклая от старости и вековой службы. Она надёжно пристроена в выщерблине пенёка — не упадёт, даже если нечаянно заденешь, а руками Пал Иваныч размахивает беспрестанно.

Поверхность пенёка чёрная от старости, сухая и корявая, как наждак. Ямки на ней заполнены крупинками соли, крошками хлеба. На закуску — пучок дикого лука, выдернутого Пал Иванычем тут же из земли. Капелька мутного лукового сока сползает по мёртвой бугристой древесине. Зелёная навозная муха пробовала отпить из горькой капельки долгий глоток — не понравив-

лось. Улетела прочь, возмущённо жужжа, словно сварливая тетка.

Июньская листва раскинулась над головой зелёным навесом, тихо шумит, словно убаюкивает. Пал Иваныч машинально берёт рюмку, отпивает из неё, рассказывает, как в годы Гражданской войны его отец, член местного ревкома, конфисковал эту рюмку у барина Тужилова. Давно сгинул где-то за границей барин, а рюмка цела!

Юрик робко поглядывает на умного дерзкого старика. Любит дед читать газеты через толстое увеличительное стекло, целый ворох за час просматривает. И всё на свете знает. Ум его порывистый, затейливый, оттого посторонним людям ветеран кажется сумасшедшим. Подростку интересно разговаривать со взбалмошным стариком. Пал Иваныч знает, что Юрику из-за малого роста не выдали в военкомате приписного свидетельства. Для Юрика это позор! Он до сих пор не может прийти в себя от такого унижения... Оказывается, ему надо подрасти!..

Ветеран успокаивающе прикасается к плечу Юрика ладонью-клевнёй:

— Не робей, паренёк! Молодёжь нынче особенная, компьютерная, а ты, я погляжу, какой-то не сегодняшней. Не волнуйся, отшибут ещё башку, коль сам нарываешься. Пришпóкают и не посмотрят, что росточком мал. Все люди внешне одинаковы, вроде листва на деревьях, только у каждого назначенье разное. Верхняя листва с деревьев всегда первая слетает, а какой-то карюзлый подвётошный листок, глядишь, висит, прилепившись к толстому суку, до первого снега и потом, если повезёт, всю зиму на холодных ветрах проболтается...

— Мне сейчас жить надо! Мне в армию нужно попасть, на войну. Никто не знает, на что я способен...

Ветеран, выпив очередную стопку, грозился самолично отыскать всех преступников, расстрелять из револьвера, припрятанного на чердаке. Никогда не поздно навести в мире порядок!..

Старик протягивал тощий кулак в темноту сада, где на тропинке, под колышущимися ветками, дремала кошка. Шерсть её искрами переливалась от вспышек света, пробивающиеся сквозь листву.

— Триста лет нашей округе! — восклицает старик. Он, помимо всех своих общественных обязанностей, состоит в районном обществе краеведов. — Мы, брат, в историческом смысле ещё молоды. Но, говоря языком учебника, как общество мы в определённой степени покамест варвары.

— Почему это варвары? — вскинулся Юрик, хотя знал, что Пал Иваныч, как и все бывшие партийные старики, не терпит возражений. — Через наш посёлок проходила древняя граница Руси. Здесь был сторожевой стан, а в окрестных деревнях жили пограничники, вольные люди, караулившие кочевников из-за Дона.

— И всё-таки варвары! — стоит на своём старик. — Некогда нам было познавать просвещённый мир — только и делали, что дрались, а в перерывах хлебопашествовали. Начальники командовали, холопы покорствовались. Кочевники набегали из Дикого поля, местные жители волей-неволей переняли ихнюю дикость...

— Но всё-таки остались европейцами! — воскликнул Юрик. — Наши люди построили Петербург!

При слове «Петербург» Пал Иваныч морщится. Для него привычнее — «Ленинград».

— Наш посёлок — юг России, но мы не Азия! — продолжал рассуждать Юрик. — Мы на одной линии с Москвой, если провести линию вниз по карте. Что же, по-вашему, и Москва тоже Азия?

— Мы, сынок, живём между Европой и Азией, и страшная таинственная судьба теснит нас со всех сторон. Я не сразу таким психованным стариком уродился... Посмотри на мои узкие глаза, на широченные скулы! Разве я не потомок диких племён? Разве можно ждать от меня пощады?

— Вы, дедушка, на Чингисхана похожи, который в учебнике истории нарисован. И фильм про древних завоевателей я недавно смотрел... Иногда страшно становится от того, что в мире постоянные конфликты происходят. Я хочу всеобщего покоя, чтобы в сердце моём всегда был порядок! — вздохнул Юрик. — Я стараюсь в одиночку переживать свои чувства, а не психовать на виду у публики.

— В тебе сидит такой же неутомный варвар, кочевник, дикий бунтарь. Эка ты взъярился, когда тебя турнули из военкомата... Ты не евро-

пец. Ты рвёшься в бой, желая поскорее сложить свою степную головушку.

— Всё равно стану европейцем! — стоял на своём Юрик. — Если меня не взяли в армию, значит, я должен учиться думать. Я вырасту!.. Мне бы ещё подвиг совершить. Пусть люди не думают, что если человек мал ростом, то ни на что не способен.

— Всегда вы, дети, хотите чего-то необыкновенного, — чуть пожурил Пал Иваныч. — А я живу для того, чтобы никому не давать покоя фактом своего существования.

— Вам самого себя надо воспитывать, бабушка, приучаться к спокойному пониманию жизни и к этой... — Юрик запнулся, но вспомнил слово: — К морали!

— Была у меня одна мораль — наган, да и тот потерял. Кому я интересен безоружный? А с наганом меня все уважали... Где, товарищ Юрик, моя слёзная родина? Почему я её потерял? Где взять любви в старом истрелявшемся сердце? — Жёлтые белки стариковских глаз подкатывались кверху, словно хотели упрыгнуть в солнечный воздух, каменели, делаясь вроде мраморных. — Потеряли мы, Юрий, идею и оказались нищими. От нищеты тела перешли к нищете духа. Когда нет общей идеи, люди становятся индивидуалистами...

— А я ничего не понимаю, хоть и в школе учусь, — вздыхает Юрик. — Наверно, от того, что я троечник.

— Я, парень, давно разуверился в науке. Все молекулы, формулы — чушь собачья. Взять, к примеру, логарифмы. Зачем они нужны? Из логарифмов кашу не сварить.

Юрик объяснил, что логарифмы ещё в старину открыли.

— Моя цель, товарищ школьник, оживить всех исторических негодяев и публично их судить!

— Зачем же историю переделывать? — удивился Юрик.

— Ради справедливости и уточнения направления жизни!

— Почему вы, бабушка, любите подолгу говорить?

— Если много молчу, грудь бурвится изнутри необузданной идейной силой. В уничтожении любим друг друга! — Старик тычет в воздух изуродованным когтистым пальцем — становится

похож на старого беса из сказки. — Прежде я и ржавой гильзы не давал за душевное чувство, а теперь мучаюсь и часто плачу, — всхлипывал растроганно Пал Иваныч. — Курёнку голову отшибу, а слёзы сами собой так и текут.

— Я хочу взять на себя чью-нибудь вину! — воскликнул Юрик, поглощённый собственными переживаниями. — Я хочу сделать что-нибудь настоящее. Никого не убивал, не мучил, но пусть меня, если хотят, казнят за чужие грехи. Только с одним условием: чтобы весь мир знал, что умер я не напрасно.

— Ты совсем юный, а говоришь глупости!.. — старик пьяно улыбнулся, хотел погладить Юрика по стриженной голове, но тот уклонился.

Юрик машинально тянется к Пал Иванычевой старинной рюмке, отпивает глоток, морщится: — Меня в армию не хотят брать...

— Подумаешь, не берут... Они ещё пожалеют, что побрезговали таким парнем... Не плачь. Я вспомнил, где мой пистолет! Настоящий наркомовский наган... Полезай, юноша, на чердак!

Древний наган

Отыскали в бурьяне лестницу — наполовину сырую, тёмную там, где соприкасалась с травой. Приставили к стене. К перекладинам прилипли кучерявые засохшие комочки грязи. В этих комках шевелились, отваливаясь с высоты, шустрые рубиново-прозрачные червяки. Верхняя сторона лестницы — солнечная, сухая, как звон, вся выгоревшая, светлая, в мелких трещинах.

Пал Иваныч, придерживая пахнущую землёй лестницу, оглядывался на тёмный чёткий след, оставшийся в траве, задумчиво хмыкал. Юрик карабкался вверх. Лестница сухо попискивала, раскачиваясь под его лёгким быстрым телом. На середине она раскачалась так, что едва не скинула его, и Юрик вынужден был задержать ход.

— Вперёд, смелее! — подбадривал снизу ветеран. — Лестница истории рассыплется в прах под нашими сапогами!

Юрик распахнул щелястую покосившуюся дверцу чердака. В лицо ударила спёртая подкрышная духота, скопившая в себе густую небесную жару. Мимо левой щеки выходила слежавшаяся затхлость, а мимо правой ломил-

ся вперёд, на разведку чердачной темноты, свежий воздух сада. Потолок был устелен слоем ветхого сена, разлетающегося в пыль, едва ступишь на него подошвой. Мёртвая труха вертелась перед глазами солнечными вздувающимися снежинками. Удушливый травяной, с частичками золы туман источал запах высохших ромашек и забытой давнишней жизни, разрывался ослепительными полосками света, проникавшего в дыры, которых было больше, чем кровли. Дождливими ночами вода хлестала с потолка на кровать, и Пал Иванычу приходилось ставить на голову таз, а туловище укрывать корытом. Он безмятежно спал под грохот капели по визгливому ржавому железу.

— Ищи, тимуровец! Он под стропилом приткнут.

По колону в пыли и золе Юрик пробрался в дальний угол чердака. Ногам было тяжело и вязко, словно шагал через болото. Увидел тряпицу, ощупал её — твёрдую, приросшую к бревну. Дёрнул — тряпка кожисто лопнула, намертво прилеившись одной половиной к стропилу. Она ломалась, как пересохший блин, сохраняя на внутренней стороне первоначальный гимнастёрочный цвет. В руке подростка очутился ржавый изогнутый кусок железа. Барабан присох к стволу, захряс и не крутился.

Спустившись обратно по трескучим перекладинам, Юрик подал револьвер Пал Иванычу. Тот взял оружие, и рука его наполнилась грозной давней тяжестью. Теперь уж не разглядеть дарственных букв на рукоятке, да и сам старик забыл, кто именно вручал ему оружие — может, сам Маркс, приезжавший на рессорной бричке делать в республике инспекционную проверку.

— Как думаешь, будет стрелять? — спросил старик, оглядывая со всех сторон истлевший наган.

— Ни за что в жизни! — усмехнулся Юрик. Ему казалось, что он, как и все мальчишки, разбирается в пригодности оружия. — Скорей уж эта лестница выстрелит...

Пал Иваныч ковырнул длинным ногтем ствол: оранжево засветился кусочек округлого, выскочившего пробкой масла. Блеснула внутренняя яркость сохранившегося ствола, винтанулась в глубь сверкающей темноты канавка нарезки.

— А ты говоришь, не стрельнет! — проворчал добродушно старик. — Ещё как и бабахнет!..

Пострелял я когда-то из этой штуковины... Аж чудно!.. — Голос его обрёл восторженную хрипловатость.

— Пал Иваныч, а как она... ну, революция вообще? — Юрик глядел на старика широко раскрытыми глазами.

— Страшна, собака, но завлекательна! Мне про неё отец рассказывал, он красноармейцем был, живого Ленина видел...

— Вот вы, старики, в войнах участвовали, искали справедливость... — Юрик прижал ладонь к груди. — А у меня вот тут виноватость какая-то застряла. Я молодой, но душа моя темна. Я ничего сам про себя не знаю. Почему я такой, дедушка? Ведь вы бились за то, чтобы я сразу родился счастливым... А родился — какое-то чудовище, которое даже в армию не берут...

— Хороший какой, дитёнок ты мой!.. — Старик беззвучно плакал, растирая слезы костистыми тёмными кулаками, хрипел. В горле у него будто кошка мурлыкала.

Достав серый скомканный платок, Пал Иваныч утёрся и объяснил принцип плача. Это просто жалкий стон, который выходит из тебя самого, пугая тех, кто находится рядом. Со слезами человека покидает последняя твёрдость, тает ледяной стержень непреклонности. Пал Иваныч различал четыре вида плача: житейский, или пустяшный, а также предрасстрельный, расстрельный и послерасстрельный.

— Как же человек может плакать, если его уже расстреляли? — удивился Юрик.

— Очень обыкновенно: шпокнули его, а душа вышелевливается наружу последними слезинками. На допросах молчал. К стенке поставили — гордо смотрел на кружочек дула, но пуля разом его размячила, показала истинную влажность его души.

— Страшный вы человек, дедушка...

— Ещё бы! — Пал Иваныч удивление мальчишка принял за комплимент, приосанился.

Юрик иногда подглядывал за собой в зеркало: как он плачет? Плохо плачет: не гордо, поуродливому, смешно вытягивая вперёд нижнюю губу. Сморщенный нос картошечкой, красное лицо. Жалкий гномик без бороды.

— Слухай, малыш, твой батя здорово выпивает, и тебе сейчас тоже, небось, охота рюмашку хлопнуть?

— Ужасно хочется.

— Ну, так возьми да и выпей. Я разрешаю. Не узнают ни партком, ни профком. Не для того я всю жизнь воевал за справедливость!

Юрик даже покраснел:

— Ни за что! — как отрезал. — Никогда в жизни! Я эти гены, пьяную наследственность в кулак зажму.

— Что за контра — эти гены, и как ты их ухватишь? — допытывался старик. — Каковы они с виду? Наверде клопов, что ли, гадёныши? Ты всё же помаленьку выпивай, давай им оттяжку. А то они взбунтуются без подпитки, в крови революцию сделают. Лучше задобрить их маленьким стаканчиком.

— Я вытерплю! — стоял на своём Юрик. — Отец до того «задобрил» их, что у него уже и ладони стали трястись. Пьяницей я никогда не буду. Сила воли у меня есть.

Наступила тишина, слышно было, как шумят на ветру ветки остаревших яблонь. Старый и малый задумались каждый о своём, не улавливая повода для продолжения разговора.

— Всегда сидит во мне это! — воскликнул Юрик, выдыхая в садовую прохладу тёплый горький воздух из перекошенного в напряжении рта, сам не понимая, что он имеет в виду: то ли тягу к алкоголю, то ли непомерную гордость не вышедшего ростом мальчишки или ещё что-то смутное, что всегда бродит в молодой созревающей душе. — А вы, дедушка, ничего, наверное, не боитесь?

— Угадал, никого и ничего! Потому и взялся наводить справедливость. Я, товарищ Юрик, ассенизатор истории. Не бойся, юноша. Страх губит. Вся история кормится страхом.

— Неправда, не только страхом, — спорил тот. — Истинная человеческая история питается прогрессом, внедрением научных достижений, строительством новых городов! — потом с испугом посмотрел на ополовиненную бутылку водки и подумал: «Хорошо, что хоть мать не пьёт».

Юрик видел других пьющих женщин. Алкоголь первым делом уничтожает женскую красоту, словно бы стирая её с лица розовой тряпкой. У пьющих мужиков по-разному. Больше Юрикова отца, наверное, никто во всем посёлке не пьёт, а лицо у него нормальное, смуглое до темноты. Круглый год работает каменщиком под

летними и зимними солнцами, на ветрах и мелких дождиках, под лёгкой крупой и обсыпчатым снежком. У трезвого вполне умное лицо, кожа туго натянута на упрямых щетинистых скулах.

Старик тем временем продолжал что-то рассказывать, размахивая пучком лука. Прозвище Пал Иваныча — Металлический, сердце у него в груди, как он говорит, «железное, вечное». Иногда, сидя в пивной, полусумасшедший старик охотно давал послушать всем желающим биение стального механизма. По ночам, уверял ветеран, механизм похрустывает, попискивает, наводя на космические бунтующие сны. И ещё другое прозвище у него было — дядя Паша Социализм, произносимое с уважительным оттенком в голосе.

Пал Иваныч положил на голову Юрика тяжёлую, будто из бронзы, ладонь:

— Эх, молодёжь! — воскликнул он с горестной усмешкой. — Растёте вы погубителями мира. Один в армию рвётся, другой спешит тайгу раскорчёвывать, третий выдумывает, какое бы новое оружие в своей лаборатории выдумать... Всех вас куда-то на погибель тянет. Сидели бы дома, землю пахали, авось меньше бы горя на свете было.

— Не хочу сидеть! — Юрик, услышав про армию, заскрипел от огорчения зубами — Пал Иваныч из-за тугоухости не мог слышать таких мелких звуков. — Пусть они меня посылают сразу на Кавказ или в другую горячую точку!.. Пусть все знают, что я был в армии и героически погиб. Вот и всё.

Старик слушал Юрика, кивал головой, отпил ещё из пузатой зелёной рюмки, скривился, пожевал былинку одичавшего лука — торопливо, по-кроличьи заталкивая её в рот. И тоже заплакал. Юрику показалось, что выпитая водка вытекла обратно через глаза старика, крупными каплями засверкала на солнце.

— Я тоже пойду в армию, деточка ты моя! — хлюпал он воющим старческим голосом. — Я буду сражаться рядом с тобой! Я уберегу тебя от всех страстей, ангел ты мой милай, восковой...

«Милай, восковой... — передразнил его мысленно Юрик. — Сам ты старый пьяный чёрт!»

Пал Иваныч снова взял с пенёка револьвер, взмахнул им, молодецки напружинился, прицелился в темноту сада. Скривились в напряжении тонкие фиолетовые губы. Залоснилась мелкими

каплями пота лысая макушка в коричневых пятнах. Он снова потряс револьвером.

— Ух, как я, сынок, рванулся с этим револьвером к счастью! Вперёд, марш-марш! Себя не жалел, уйму народа загубил. А единственная правда — я это теперь точно знаю! — обыкновенный живой человек. Когда он расстрелянный возле твоих ног валяется и тяжёлый наган в твоей руке дымится, то здесь ложь неправильной истории начинается... — Старик схватил с пенька бутылку, отпил прямо из горлышка, закашлялся.

...Спустя неделю Юрик узнал, что участковый по фамилии Гладкий отобрал у старика ржавый именной револьвер. И поделом. Пал Иваныч повсюду таскал наган с собой, хвастал им, обещая навести порядок. У него-де бесмертное сердце, и времени хватит вполне.

Печка

Несколько лет назад посёлок с почестями хонронил Костю Зябликова, которого привезли в цинковом гробу из горячей точки. Его фотография была напечатана в районной газете. Юрик хорошо знал этого парня по прозвищу Зяба.

Несколько лет назад Костя Зябликов, над могилой которого ныне поставлен памятник с маленькой железной звёздочкой, едва не утопил Юрика в пруду — играли в морское сражение. У всех мальчишек были надувные автомобильные камеры. Разделившись на две флотилии, сближались с воинственными криками, стараясь опрокинуть «корабль» противника. Бултых! — и ты уже в мутной зелёной воде, над головой играет влажное дрожащее пятно солнца. Сходятся и расходятся чёрные круги камер. Отчаянно дёргаются руки и ноги сражающихся мальчишек, взбивая воду белыми пузырями. Глухо шлёпаются о поверхность воды загорелые фигурки. А ты утонул и уже ничего не значишь для своей команды, а тем более для соперников. Если ты и в самом деле, нахлебавшись воды, пойдёшь ко дну, никто этого не заметит.

В одном из сражений Юрик совершил «подвиг» — пошёл на таран и прыгнул на Зябину камеру обеими ногами. Да так удачно, что опрокинул её вместе с «адмиралом». Не каждому удавалось потопить вражеский флагман. Ребята из Юриковой команды обрадовались, заво-

пили, торжествуя. Но никто не заступился за Юрика, когда обозлённый Зяба, ухватив пацана за шею, принялся окунать его в воду. Наоборот, все заискивающе смеялись. Задыхающийся посиневший мальчишка с трудом вырвался из крепких рук Зябы.

Наигравшись в морской бой, вылезли на берег. Отдохнули маленько, позагорали и придумали новую забаву: Зяба стал царём. Все мальчишки служили ему, повинувшись каждому слову. Зяба выделял и приближал к себе тех, кто понимал его жесты без слов. Всего собралось на берегу человек тридцать, но постепенно рабами остались служить лишь пятеро — самые слабые и покорные. Остальные сумели изобрести должности министров, церемониймейстеров, сделались шутами, пажами, захватили все выгодные места при Зябином «дворе». Одних только «палачей» у него было четверо!

Рабы, в число которых, несмотря на все свои протесты, попал и Юрик, построили для Зябы глиняный трон со всяческими узорами. Работа над креслом так увлекла, что Юрик временно забыл о своём рабском положении. И сам Зяба вместе с «министрами» охотно возился с отделкой трона, вылепливая затейливые подлокотники. Кресло до блеска смочили водой, дали ему подсохнуть.

Настал момент, и Зяба торжественно уселся на трон, вытирая ладонью грязные брызги на лбу. Ему водрузили на голову корону, сплетённую из зелёных веток. Восседал он, важно надув губы, опираясь на подлокотники мускулистыми руками. Юрик постепенно проникся самоощущением раба. Он вообразил, будто очутился в глубокой древности, в каком-нибудь Египте времён строительства пирамид. Он фантазировал, и ему легче было переносить своё настоящее рабство.

— Ложитесь на брюхо! — командовал Зяба-царь, и все пятеро плюхались животами на колкие комки глины. Раздавался хохот министров, шутов и прочих прихлебателей. — Ползите ко мне!

Юрик послушно полз вперёд. Острые крошки глины чуть не до крови царапали кожу. То и дело соскальзывали трусы на слабой резинке, приходилось при каждом ползке подтягивать их. А когда решил встать во весь рост и взбунтоваться, министры и телохранители

принялись пинать его босыми ногами: «Не смей смотреть на царя, подлый раб! Вниз! Вниз лицом!.. Лежать, тебе говорят!»

Неожиданно Юрик изловчился, выбрал момент, когда на него перестали обращать внимание, ухватил из лужи горсть жидкой грязи да и залепил с близкого расстояния всю физиономию Зябы, отчего она в одно мгновение сделалась у него жёлтой и глупой. «Царь» на минутку оцепенел, приоткрыл в изумлении рот, счищая с лица ладонью коричневую жижу. Теперь уже над «царём» смеялись его недавние прислужники и подхалимы. Опомнившись, Зяба вскочил с глиняного трона и с такой силой залепил Юрику кулаком по скуле, что у того в глазах пыхнул огонь, он неожиданно почувствовал затылком утоптанную землю. А встать не было сил, перед глазами всё плыло и кружилось.

— Бунт! — услышал он голос Зябы, отмывающего лицо в луже. — Приказываю замуровать негодяя в пещеру на вечные времена!

В стене оврага имелось несколько неглубоких пещер — жители посёлка брали здесь глину. Юрика потащили сильные руки, швырнули в одну из пещер, начали замуровывать крупными гудками, залепливая промежутки мокрым раствором глины и песка. Он с ужасом наблюдал, как пропадает верхняя полоска света. Исчезающие лица одноклассников казались совершенно чужими. Очутившись в кромешной тьме, мальчик замолотил кулаками в холодные влажные стены, окружавшие его со всех сторон. Слышался в отдалении приглушённый смех, крики царских воинов. Игра продолжалась.

Юрик тыкался в разные стороны, шлёпал ладонями. Обессиленный, с наполненной звоном головой, уселся на скользкий холодный пол, задремал, бормоча ругательства и угрозы.

Проснулся от удушья. Не сразу вспомнил, что находится в закрытой пещере и что он — раб, приговорённый к смерти в заточении. Ему почудилось, что он уже умер: непроницаемый мрак смыкался вокруг чёрной стеной, от частого дыхания свистело в груди. Страх лишил последних сил — Юрик хрипло кричал, царапал стену ногтями, бился в неё всем телом. Наверное, ребята забыли про него, разошлись по домам. Где выход? Попробуй процарапайся в неизвестном направлении, если впереди глиняный бугор тол-

щиной с земной шар. Как угадать тонкую стенку?.. А когда и кричать уже уморился, обречённо приник лицом к липкой невидимой стене, вдавил напоследок в неё ногти, то неожиданно вывалился наружу вместе с пластом глиняной кладки. Высохшая снаружи стена рассыпалась хрупкими остроугольчатыми комками. Он увидел зелёное вечернее небо. Глаза, отвыкшие от света, болезненно щурились, Юрик жадно смотрел в небесную глубину, рождающую первую тусклую звёздочку. Плотный воздух, словно кисель, залил до отказа лёгкие. Грязное нахолодившееся тело оведал ветерок.

Подросток встал и, покачиваясь, побрёл к пруду. Теплынь и густой воздух пьянили его. Вода в пруду показалась не просто тёплой, но ещё и необыкновенно ласковой — живое плещущее существо, отмывающее все обиды. Юрик принялся смывать глину, вьёвшуюся в кожу. Рука казалась тяжёлой и неповоротливой, будто не своя.

У него вдруг появились на глазах слёзы — он проклинал Зябу всеми известными ему проклятиями и мечтал, чтобы тот заболел и умер.

Вода припахивала рыбой, тиной, давнишними историями о потонувших здесь людях. Юрик кинулся вперёд, нырнул в тёмную глубину, ослеплённый яркими на закате водяными искрами. Поплыл, не боясь утонуть, потому что вода уверенно держала его, словно хотела пожалеть и ободрить.

На берег выбрел освежённый, спокойный. Дышал легко, без напряжения. На бугристых косточках груди проступил прежний дневной загар. Кожа, подсохнув, вновь стала гладкой и тёплой. Густая, похолодевшая к ночи, трава щекотала ноги, пахла ромашками и клевером. Жёлтые ромашки, красные головки клевера защёлкивались меж пальцами ног, с треском отрывались, отскакивали в стороны. Юрик почувствовал голод, вспомнил о доме. Мать, наверное, уже беспокоится...

Возле оврага темнели на траве засохшие обломки «царского» кресла. Что случилось? Почему ребята сломали «трон»? Произошло восстание или Зяба, раздурочившись, развалил своё немудрёное «царство»?

Юрик приметил печку с круглой, криво прилепленной асбестовой трубой. Тут же валялись обломки кирпичей, не пошедших в дело.

Музей

Так вот чем занимались мальчишки, забыв о пленнике, — они строили печку! А печка была не простая, с лежанкой, чтобы «царь» мог согреться после купания. Из топки торчали грубо напиханные дрова, чернели прутьки обгорелого хвороста. Тут же валялось множество жженных спичек, пара пустых коробков. Подбрав рассыпанные спички, Юрик попытался разжечь хворост: дрова охватывались пламенем, но гореть не хотели — ребята-рабы неправильно сложили дымоход. Юрик много раз видел, как отец кладёт печки в домах у людей, помогал размешивать раствор, подтаскивать кирпичи.

Разломав железным штырём печной бок, Юрик принялся возиться с дымоходом, представляя тяжёлые кирпичи так и этак, пока вдруг мокрая ладонь не почувала тягу — напористый ветерок сбивал с грязных пальцев капли мутной воды.

Загорелась с четвёртой попытки последняя спичка — поднёс её к хворосту. Огонёк тоже почувал тягу — изогнулся, побелел, прилепился к мелким веточкам сухой травы и полыни, охватил их жаркой вспышкой. Печь мокро дохнула обратно глинисто-тёплым воздухом, загудела, прогреваясь, словно заработала машина. Затрещали дрова, занялись розовыми каёмками. Из трубы повалил сизый дым, исчезающий в тёмном вечернем небе. Тот же дым — близкий, пахучий — валит из многочисленных, плохо промазанных щелей. Вихрился белёсый парок. Кирпичи, скреплённые рабским трудом, держались кое-как. Юрик машинально подмазывал их остатками глиняного раствора. Пар от влажных кирпичей, смешиваясь с дымом, туманом скатывался на гладь пруда, повисал над ним сизым облаком.

...Прошли годы, и Зябу привезли в посёлок в цинковом гробу. Юрик не ощутил жалости к мёртвому, но и чувство мести тоже испарилось. Через стеклянное окошечко гроба можно было видеть изуродованное, застывшее в жутком напряжении, обескровленное, словно бумага, лицо. Почему Зяба, сильный парень, позволил себя убить? Может, ему не повезло в бою?.. «Мне повезёт! — размышлял Юрик. — Я вернусь домой победителем!..»

Первым через форточку в тёмную комнату забрался Юрик. Там он дрожащими от волнения пальцами торопливо открыл изнутри шпингалет, распахнул оконную створку, впустил внутрь своего одноклассника Витьку. Это, кстати, была Витькина идея — забраться в школьный музей.

Вещички под стеклом витрин облюбовали заранее. И наперёд загадали, кто что возьмёт. Юрику было страшно. Он жалел, что поддался на Витькины уговоры. Собирали при свете фонарика монеты: старинные и советские.

Витька торопливо пыхтел, швыряя в сумку медные позвякивающие кувшинчики, сгребал с полка всё подряд, не брезгуя глиняными черепками, а также рассыпающимися в порошок костями мамонта — дома разберёмся!

До отказа набил две спортивные сумки и рюкзачок. Взял старинный кинжал с потускневшим узором на чёрных облупившихся ножнах, модель паровой машины, сделанную талантливым выпускником школы, который теперь был известным на всю страну пожилым академиком, заодно прихватил ржавый автомат, найденный следопытами на месте боев, модель гранаты, детекторный приёмник с высохшими проводами, тусклые генеральские погоны знаменитого земляка и много чего ещё.

От испуга и торопливости на ребят, в конце концов, напала необъяснимая дурь — они принялись громить всё подряд, расколошматили стёкла в витринах, а Витька в азарте частично ободрал на стенах выцветшие зелёные обои.

Юрик, дрожа от внутреннего напряжения, ударил кулаком по макету древнего города, склеенного в давние времена старательным пионером из исторического кружка. Терем был как настоящий — срубленный из крохотных веточек-брёвнышек. Он хрустнул, но устоял, покосилось красивое крылечко. Запищали сухие древесные палочки. Треснул ещё раз: закачались узкие глиняные улицы, холмы с бумажными деревьями, лопнули прозрачные слюдяные окошечки. Смялись под рукой прохладные пластилиновые фигурки воинов, застывших возле бойниц с копьями-соломинками. Горохом посыпались на пол кочевники,

штурмующие город, пытающиеся поджечь его красными пластмассовыми факелочками.

Раскаяние

— Я ему всё рассказал! — Бледное Юриково лицо делается еще меньше — размером чуть ли не с кулачок.

Витька смотрит на него не мигая, пугаясь этой детской глубинной бледности. Он видит, как с белой краской от Юрикова сердца отступает, выходит наружу запоздалый страх.

— Кому?

Но как-то само собой догадалось, просверкнуло — кому же ещё, кроме Пал Иваныча?

Во время погрома Витька разорвал портрет ветерана, нарисованный юным художником: на полотне был изображён высокомерный старик с морщинистым лицом в гимнастёрке и фуражке-сталинке. В прежние годы Витька вместе с другими пацанами часто дразнил подвыпившего старика, остановившегося в раздумье посреди улицы.

— Ну и что? — сердито воскликнул Витька. — Что за дело старой развалине до школьного музея? Сам, небось, в продрозвёрстку хлеб у крестьян отбирал, церкви разваливал... Время пал иванычей закончилось навсегда! — Витька распинался насчёт учебника истории: — Загляни, чудак, в эту книжку — у правителей и королей сплошной грабёж не только по отношению к народу, но и друг к другу. А кто мы такие по сравнению с историей? Мелочь, стибрившая горсть запыленных монет, медалей, среди которых, кажется, ни одной чтобы из чистого золота.

— Он хочет с тобой поговорить.

— Что значит «поговорить»? — Витька вспылит ещё сильнее, Юрик в испуге отшатнулся от него, чтобы поделщик в ярости его не ударил. — В школе воспитывают, дома зудят, а тут ещё древний старик будет дополнительно учить уму-разуму. А вдруг он, леший, заявит в милицию? И развернётся наша дорожка скатертью-самобранкой: учёт, колония, тюрьма... Там, в колонии, Юрка, небось, отвыкнешь высовывать без нужды свой длинный язык.

— Не бойся, Вить, наш Пал Иваныч не заявит. Он просто хочет поговорить.

— Не хочу выслушивать нотации от скандаль-

ного мухомора. Знаю, что он скажет: три короба проклятий в адрес мировой буржуазии, затем потащит нас с тобой, «пятую колонну», с повинной к директору школы. И нам каюк!

— Не бойся, Вить. Старик обещал... Он бестолковый, но справедливый.

Витька взглянул на Юрика долгим злым взглядом. Затем потупился, вздохнул:

— Пойдём!..

...Старик пригласил подростков в сад.

— Смелее заходите, дорогие пионеры! Там, в тенёчке на пенёчке, и побеседуем.

Витька презрительно усмехнулся: «пионеры»!..

Пал Иваныч шаркает стоптанными сапогами по сухой, в трещинах тропинке, опирается на палочку. Пыхтит, но движется бодро. Ребята слегка отстали. Заходят в сад, словно под крышу шатра. Ветки загустели, деревья растут как попало. Лишь одна сторона сада светлая — там, где Юрик вырубил в начале лета сливы.

Пал Иваныч говорить не спешит, ребята внимательно смотрят на него.

— Ну, какие вопросы с музеем? — надтреснутый язвительный голос.

Витька кашляет, постукивает круглым отроческим кулаком по древесному узору пенька. Прокашлявшись, начинает глухо и сбивчиво объяснять: так, дескать, вышло это дело само собой: монетки, то да сё, прочий хлам... «А подумать — зачем нам это?..»

Юрик согласно кивает. Толково говорит Витька! Юрик бы так не смог. Ни один следователь к таким словам не прицепится. По мнению Витьки выходит, что экспонаты музея их так привадили, что захотелось их не украсть, но как бы на время забрать себе, поиграть в них...

Пал Иваныч по-штабному приосанился, в водянистых серых глазах появился стальной огонёк. Пристукнул ладонью по набалдашнику костыля: ты, дескать, парень, хитрыми покаянными словами искажаешь свои фактические действия!

Витька тотчас примолк — вроде бы глупый старик, но соображает!.. В вопросах, небось, разных участвовал, в трибуналах!..

— Что вы там принесли? — спрашивает ветеран, хитро улыбается змеиной улыбкой.

Ребята оживились, вскочили с бревна. Свистнули «молнии» замков. Содержимое су-

мок вывалено к подножию пенька, к пыльным хромовым сапогам, стянутым кое-где кусочками медной проволоки.

— Кинжал! — Витька берёт в руки главную, по его мнению, ценность. — На этикетке было написано, что татаро-монгольский, а я протёр лезвие керосином, а там цифра 1912, буквы немецкие... Зачем мне туфта? Граната внутри пустьшка... Бивень мамонта тоже жульнический, в пальцах крошится...

— Почему этот бивень с торца ровный? — удивился старик, поглаживая серую в темных крапинках кость.

— Я его ножовкой спилил, — признался Витька. — Хотел разрезать бивень на части, браслетов из него понаделать...

Юрик выкладывал на целлофан тусклые монеты — медные и серебряные. Собирался почистить их наждачной бумагой, но не успел. И на душе нехорошо. Вот квадратная денежка попала — совсем древняя, не разобрать знаков. Подбросил на ладони тяжёлый пятак петровских времён — таким удобно играть в накидку.

— Всё? — спросил старик.

Подросток кивнул. В нагрудном кармане футболки лежал маленький флажок от разгромленного княжеского терема.

— Собирайте всё обратно... — вздохнул ветеран. Увидел клочок бумаги, запутавшийся в хилой траве сада. — Это что такое?

— Обои... — хмуро пояснил Витька. — Я оторвал, балбес, от стены. Может, подклеим? Я и клей захватил...

Старик почесал в затылке, строгий военный картуз сполз на лоб, закрывая длинным козырьком половину лица.

«А старик-то с дурцой! — подумал Витька. — Такой или посадит, или капитально выручит».

— Что ты, мальчик, так на меня смотришь! — обратился он к Витьке. — Я Пал Иваныч, прозвище — Металлический! Умру — в музей меня поставьте, вроде чучела, соломой набейте на страх врагам!

Ветеран пустился в пространную речь, суть которой сводилась к тому, что музеи обижать нельзя. Музеи — скудные остатки истерзанного событиями мира. Ни одного памятника сшибать нельзя, даже если он самому чёрту поставлен. Пусть люди глядят на факт и что-то этакое сообщают...

ражают... А Юрке с Витькой надо идти в школу и класть вещи обратно. Ошибиться может каждый. Надо вернуть прошлому его последний мёртвый вид. Пусть кусочек отодранных обоев совместится со своим местом, как прожитая жизнь совпадает с узором кладбищенской ограды...

Старик разглагольствовал еще минут пять. Ребята терпеливо его слушали.

Юрик молча подал старику зелёный выцветший клочок бумаги. В школу идти не хотелось. Оба втайне надеялись, что Пал Иваныч соберёт музейные безделушки и с попутным транспортом доставит их в школу. Витька снова посетовал: кинжал поддельный, граната учебная. Кругом обман и фальшь. Только бивень мамонта, найденный юными следопытами, оказался настоящим, а не из пластмассы. Юрик вынул из нагрудного кармана маленький флажок. Альый треугольник с круглым золотистым солнышком, нарисованным старательной детской рукой; от солнца распространились тонкие ниточки-лучи. Флажок от терема, который он свалил на пол с круглого столика в углу.

— Береги, не выбрасывай! — посоветовал старик. — В истории всё гожается. Даже глупость человеческая вписывается в неё определёнными событиями.

Над ними качалась, постанывая от ветра, нутряная оболочка сада. Голомышечное напряжение усохших ветвей встряхивало буйную мякоть верхней зелени. Сумрак сада пронизывали острые, как спицы, оранжевые лучи. Слышно было, как в центре посёлка радио пропикало полдень. Забухал усталым неразборчивым голосом диктор, издали рассказывая новости. Металлический голос динамика раздавался над летней площадью. Пал Иваныч, застыв в полный рост и приложив к уху ладонь, старался уловить оттенки мировых событий. На замшелых стволах янтарно светились потёки окаменевшего клея.

— Собирайте, товарищи дети, вещички. Надо идти. Будем восстанавливать хитрую мозаику истории.

Флажок и башенка

Прохожие с интересом смотрели на эту тройцу. Пал Иваныч — понятно, он вечно спешит по своим делам. Но куда с ним так то-

ропятся подростки? Что у них в тяжёлых, перевешивающих набок сумках?

Школьная дверь была по-летнему нараспащку, зияла загадочной всегдашней чернотой. Ветеран смело шагнул в неё, как в омут. В длинных коридорах старинного здания застоялась гулкость, прохладная пустота. Каблуки старика стреляли военным грохотом: бах-трах-пах! — равномерно по разным половицам. С лестницы, ведущей на второй этаж, тянуло сырой извёсткой. Там полным ходом шёл ремонт. Деревянные ступеньки измазаны пятнами мела с зелёными остатками купороса.

Музей был опечатан: две шпагатные разлохмаченные верёвочки, скреплённые куском пластилина. На пластилине криво отпечатались буквы школьной печати. Милиция, наверное, вела розыск похитителей.

— Авось не найдут! — сказал старик, резким движением срывая шпагатные тесёмки. — Кто спросит, откуда вещи, — отвечайте, что нашли... Вперёд, юные друзья! Я ещё доживу до тех времён, когда в музеях будут выставлены чучела моих врагов!..

В музейной комнатке было чисто. Успели навести кое-какой порядок, застеклили витрины. Обои на стенах подклеили. Лишь верхний кусок в виде треугольника, оторванный Витькой, желтел неструганой доской.

Юрик поправил мятые пластилиновые фигурки воинов, достал из кармана флажок, воткнул его на прежнее место — над куполом княжеского терема. Старик приказал вываливать из сумок принесённое добро. Схватив обрывок обоев, приложив его к стене, он убедился, что совпадают и цвет, и рисунок:

— Давайте клей, ребята!..

Поездка в Петербург

Отец работал в ремонтно-строительной бригаде при комхозе¹. Последнее время он почти не пил, трудился хорошо, его даже на Доску почета поместили. В сентябре бригада строителей была премирована недельной поездкой в Петербург на экскурсию.

— Как при социализме — Доску почета обновили, на экскурсию повезут! — сказал старый рабочий Чвыков.

— При социализме путёвки давали не в Петербург, а в Ленинград! — резонно заметил прораб Тюхин, мужчина богатырского сложения, державший в бригаде порядок. — Я уже два раза там был... — Прораб как-то странно усмехнулся. — Как приедем, поселимся, бывало, в гостиницу, и пошла гудовень... Нельзя нашему брату давать свободу — бродим, как привидения: из гостиницы — в магазин, из магазина опять в гостиницу... Ничего не помню, что видел в те разы в Ленинграде. Может, сейчас в Петербурге запомню что-нибудь?..

Вместе с рабочими в поездку пристроились кассирша, бухгалтер, ещё две какие-то женщины, и Юрик напросился с отцом. Тюхин постановил: чтобы никто из списочного состава от поездки не уклонялся. Всем обязательно ехать — хоть ты живой, хоть мёртвый. И стукнул огромным кулаком по запылённому столу в бывшем красном уголке, словно поставил печать.

Юриков отец дня за два перед поездкой запил: лицо его наливалось розовой свежестью первоначального запойного алкоголизма. Он был внешне бодр, шутил, фантазировал насчёт покупок, которые сделает в Петербурге. Но мать-то его лучше знала и сказала Юрику: посмотрим, что он скажет послезавтра, в день отъезда...

За два дня «раскрутку» отец сделал нештучную: выпил пять бутылок водки и литров шесть пива. Пытался, однако, бросить: стыдно было перед сыном и другими рабочими. В день отъезда, когда его начали расталкивать и всеми способами будить, отец заявил, что не поедет в этот Ленин... то есть бург.

Юрик вцепился в отца мёртвой хваткой, дергал его за уши, натирал ладонями одутловатые щетинистые щёки: «Поедем, па! Вставай! Иначе путёвки наши пропадут!»

Отец, зевая, кое-как поднялся, надел, качаясь, новый костюм, нацепил какой-то старинный галстук. Мать, скрестив руки на груди, наблюдала за его одеванием с нескрываемым презрением. При этом она старалась казаться равнодушной. Сказала, обращаясь к сыну: «Не ехал бы ты с таким!» Юрик чуть не в слёзы. Он готов отца на себе тащить, лишь бы очутиться в Петербурге.

¹ Комхоз — коммунальное хозяйство.

Пьяный отец в свежем костюме, белой рубашке и в старомодном галстуке казался смешным. Юрик даже не знал, что у отца имеется этот галстук. Отец включил электрическую бритву — она не заработала. Зашвырнул её под кровать.

— Поехали, сынок! — пошатываясь, взялся за ручку чемодана.

В гостинице

Мужики как сели в вагон, так сразу зазвякали, загомонили, зазвучали тосты, признания в дружбе и взаимные похвалы. Отяжелев от хмеля, принаряженные «туристы» едва не подрались — вспомнили о каких-то приписках, недополученных премиях, об украденных стройматериалах. Юрик удивлялся: эти люди только что клялись друг другу в вечной дружбе, а теперь, изрядно угостившись водкой, стоят друг против друга в боксерских позах, а испуганный проводник грозит вызвать милицию. До того дело не дошло — богатырь Тюхин могучей прорабской рукой усадил драчунов на место, пригрозив высадить их на глухом полустанке.

Точно так же «экскурсанты» продолжали пить в гостинице, расположенной неподалёку от Московского вокзала.

Тюхин тупо вглядывался в расписание экскурсий, почёсывал взлохмаченную шевелюру, бормотал: «Опять нас поселили в ту же гостиницу! От судьбы, видно, не уйти...» Питались в основном домашней снедью: салом, варёными вкрутую яйцами, сморщенными солеными огурцами. Покупали хлеб, иногда селёдку, кильку, немного колбасы. Чвыков прихватил с десяток сушеных карасей, которые очень пригодились.

Юриков отец, несмотря на свои расхлябанные сборы, ухитрился не забыть связку репча-того лука и несколько банок грибов. Всё это было загружено в холодильник многоместно-го номера и постепенно поедалось.

Отец дал сыну денег, велел ходить в буфет: питайся, мол, сынок, как положено, а мы тут как-нибудь... Больше всех пьёт. Невысокий, коренастый, растрёпанный. Такого на улицу нельзя выпускать — сразу милиция заберет.

Подросток удивлялся мужикам: с утра пьяные, играют в подкидного дурака, потом опять спят, проснувшись, идут в магазин. Комната

синяя от табачного дыма, Юрик не успевает её проветривать.

Экскурсии проводились строго по графику. Каждое утро к гостинице подкатывал автобус, в который, кроме Юрика, садились женщины с сумками, непьющий бухгалтер Федулыч, симпатичные конторские девушки Света и Нина, на которых Юрик иногда поглядывал. В посёлке они казались настоящими красавицами, а в Петербурге на фоне встречаемых девушек и молодых женщин сразу как-то поблёкли.

Юрику нравилось жить в гостинице. Если бы рабочие не пили и не курили, совсем было бы прекрасно. По утрам он принимал душ, а вечером, наполнив ванну водой, плескался и блаженствовал, нырял в ванну, как в пруд, фыркал и смеялся, слыша за дверью громкие приглушённые восклицания. Иногда отец, обеспокоенный долгим отсутствием сына, распахивал, покачиваясь, дверь ванной, находил взглядом голову сына, торчавшую над водой, удовлетворённо кивал.

Искупавшись, постирав бельё и носки, Юрик переодевался во всё свежее и шёл в буфет. Там съедал пару сосисок, выпивал стакан сока. Мать на всякий случай дала денег отдельно, наказав не говорить о них отцу. Подросток с волнением поджидал буфетчицу, тербил меню, отпечатанное на твёрдой глянцевой бумаге. Всё было дорого, но отец пока обходился своими деньгами, у сына не клянчил.

Пожилая, чересчур добрая буфетчица склонялась к нему, словно к малышу, источая запахи кремов и неведомой городской жизни.

— Сейчас, деточка, я тебя накормлю, — ласково выговаривала она ровным голосом. — Ты выбрал чего покушать?

Подросток набычивался: ну какой же он «деточка»? Ему скоро шестнадцать исполнится. Он мечтает попасть в армию и получить звание сержанта.

Другая буфетчица, которая подменяла по четным дням пожилую, красивая девушка, увы, не склонялась к нему. А Юрику очень хотелось, чтобы хоть чуточку голову наклонила. От неё пахло сигаретами и губной помадой.

— Что желаете, молодой человек? — спрашивала молодая глуховатым взрослым голосом.

«Молодой человек» — это уже весомо.

После ужина Юрику не хотелось возвращаться в душный прокуренный номер, где мужики шлёпают картами по столу и спорят о каких-то незакрытых нарядах, зажиленных премиях, пропитых досках и неизвестно куда подевавшихся оконных коробках. Сказавшись отцу, отправлялся гулять по вечернему Петербургу, который с наступлением сумерек казался ещё загадочнее.

Прогулка с отцом

На четвёртый день отец решил прогуляться вместе с Юриком. И повод был — мужики бросили жребий, кому идти за водкой. Короткую спичку вытянул отец.

— Всегда мне не везёт! — в досаде воскликнул он. Ему велено было купить на ночь шесть бутылок водки, чтобы и на утро осталось.

Юрик с неохотой пошёл с отцом. Было стыдно, что выпивший отец шагает по тротуарам красивого великого города. Казалось, все прохожие осуждающе смотрят на небритого низкорослого человека в мятом костюме и нелепой шляпе, тоже изрядно помятой. Отец озирался по сторонам, приоткрывал растеряннно рот:

— Что такое Петербург, сынок? Говорят, этот город был «игрушкой царей!» — ворчал отец на ходу.

Зато с большим вниманием, прищурившись, он разглядывал архитектуру старинных зданий, лепные узоры, арки, колонны.

Признавался со вздохом, что сам он таких великолепных зданий отродясь не строил: всё больше коровники да сельские клубы. Бани иногда, гаражи для начальства, а то и вовсе по шабашке...

Бродили по Дворцовой площади, глазели на Зимний, на величественную колонну с золотым ангелом наверху. Новая, недавно купленная шляпа сползла отцу на глаза, он то и дело почёсывал взлохмаченный потный затылок, тербил засалившийся воротничок рубашки, досадуя, что забыл надеть галстук. Озирался, вздыхал, почёсывал бледный трезвеющий лоб. Осмотревшись по сторонам, достал из позвякивающей авоськи бутылку, сорвал зубами пробку, сделал несколько жадных глотков. Крякнул, вытер губы рукавом пиджака, снова встал во весь свой небольшой рост, огляделся.

Ему полегчало, в глазах загорелся жёлтый вечерний огонёк, рыжие щетинистые щёки зарумянились.

— Хорошо! — громко воскликнул он. — Замечательный город! Я, сынок, никогда не буду жалеть о том, что побывал здесь!

— Ты сегодня больше не пей... — попросил Юрик отца, когда уже подходили к гостинице. — А то завтра в Петергоф ехать, фонтаны смотреть и красивый дворец.

Отец обернулся, подмигнул, заверяюще поднял вверх правую руку. В левой руке позвякивали в авоське бутылки.

— Мужики, небось, меня заждались... — смеялся отец. — А я вместе с сыном культурно отдышал, город осматривал! Будет что вспомнить!

— Твои рабочие, конечно, волнуются, — сказал Юрик, перебарывая зевоту. Ему хотелось спать, несмотря на то что над проспектом и над всем городом разливалась серебристая белая ночь. — Мы долго с тобой гуляли.

— Они знают, что я нигде не пропаду. Тем более ты со мной! — Отец ласково привлёк Юрика к сильному плечу, дохнул перегаром. Юрику в этот момент почудилось, что здесь, в Петербурге, он подросток сантиметров на десять. С отцом они были уже почти одинакового роста.

Великолепные фонтаны

На следующее утро Юрик проснулся раньше всех, поставил электрический чайник, позавтракал. Съел бутерброд с подтаявшим домашним салом, проглотил варёное, начинающее припахивать яйцо.

Мужики спали. Их красные опухшие лица точно окаменели. Шумно дышали открытые рты. Некоторые ворочались, мычали, постанывали. Отец спал как убитый, в брюках и ботинках поверх одеяла. Лицо позеленело — наверное, вчера опять выпил лишнего. Юрик принялся его расталкивать.

— Па, вставай! В Петергоф надо ехать. Там фонтаны, дворец — такого ты никогда не видел.

Во рту у Юрика разливалась сладость от недопитого чая. Отцу было гораздо хуже: вчера он не сдержал слова, данного сыну, — опять напился. Но вот пошевелился, открыл мутные глаза. Он, видимо, не понимал, где нахо-

дится. Смотрел на сына, постепенно узнавая его. Губы его шевельнулись. Хотел что-то сказать, но не мог.

С соседней койки поднялся Тюхин. В Петербурге прораб продолжал оставаться за главного, и все его слушались. Но по пьянке припоминали ему старые обиды: неподписанные наряды, зажиленные премии. Тюхин стучал могучим кулаком по столу, приказывая заткнуться. С Юриковым отцом у него несколько раз возникала драка, мужики успевали их разнять.

— Что? — удивлённо прохрипел Тюхин. — Петергоф? Да он же у меня дома на календаре нарисован... Хочу наяву его посмотреть!.. Едем, товарищи, быстро собирайтесь!.. — Бригадир принялся расталкивать спящих: — Стыдно, товарищи! Прожили жизнь в захолустном посёлке, никогда не видели настоящего дворца с фонтанами! Стыд нам и позор! Тысячу километров ехали ради того, чтобы упиваться водкой? Разве этой гадости нам дома мало?..

Брызгал на спящих водой из графина. Отца, который не хотел просыпаться, Тюхин полил так обильно, что рубашка на его груди собралась мокрыми складками.

Отец открыл глаза и продолжал спать с открытыми глазами, подёрнутыми мутной плёнкой. Тюхин осерчал, потянул отца за рукав пиджака. Тот треснул, лопнул по шву, плотное тело с глухим стуком упало на паркет.

— Поднимайся, мать твою разэтак! — заорал Тюхин так, что на столе задребезжал опустошённый графин..

Отец застонал, приподнялся на локоть. Взгляд его сделался более осмысленным.

— Тюхин, за что я мучаюсь? — спросил отец лающим голосом. — Я вчера всё думал про этот Ле... то есть Петербург!..

— Я сколько раз тебе говорил — не думай! — усмехнулся начальник. — Я вот ни о чём вчера не думал, а тоже с вами, дураками, выпил лишку, голова трещит... Ребята, просыпайтесь, объявляю общий подъём!

— Ничего ты, Тюхин, не понимаешь, хоть и прораб, — отец елозил по полу, скулил — Юрий пытался помочь ему подняться на ноги. — Дай опохмелиться!

— Никаких «опохмелиться»! — взревел прораб. — Знаю я вашего брата... Скоро автобус подго-

нут, а мы тут чухаемся. Всем, кто не захочет ехать во дворец, набью морду.

Отец заворчал и, взявшись за спинку кровати, кое-как встал на ноги. Покачиваясь, обошёл всю большую комнату, в которой размещалось восемь коек, заглянул под каждую, пивная пустые бутылки, с шорохом и гулом раскатывающиеся по паркету. Юрий подбирал их, ставил в угол к остальной батарее — вечером их унесёт уборщица.

Прораб сказал, что оставшиеся две бутылки он спрятал в свою сумку, похмелит «страдальцев» после осмотра фонтанов.

Мужики молчали, хмуро почёсывались. Некоторые, собрав волю в кулак, умылись. В ванной беспрерывно журчала вода. Тюхин достал электробритву, с третьего раза попал вилкой в розетку. Бритва загудела, и в звуке этом была успокаивающая строгость.

Те, кто умылся, постепенно оживлялись. Слышались хриплые крепнущие голоса:

— Посмотрим на этот самый распрекрасный дворец, а то, действительно, люди подумают, что дикари приехали...

— Мы тоже, братцы, ценим культуру!..

— Давно пора сходить на экскурсию, а то сидим день-деньской за домино да за картами...

— Разве за этим сюда приехали?..

— Жене расскажу про фонтаны, а то ведь спросит: «Где был, чего видел?..»

— Петербург — город для изнеженного глаза, а нам, простым работягам, тут делать нечего...

— Держись, ребята, вот последние деньги пропьём — послезавтра домой поедем...

Отец остановился посреди комнаты, раскрыл рот, собираясь вставить в разговор умную фразу. Но такая фраза к нему не приходила, и он лишь периодически взмывкивал, словно заблудившаяся корова. Махнул рукой, пошёл в ванную, подставил голову под льющуюся ледяную струю. Стонал, громко охал. Низко склонившееся лицо, омытое потоком, наблюдающему за отцом Юрику казалось чёрным.

Отец дрожащей ладонью закрыл кран, вошёл в комнату, вытерся полотенцем, которое Юрий нашёл для него под кроватью.

— Тюхин, сжался — сто грамм!..

— Никаких «сто» и никаких «грамм»! — прораб был непреклонен, и Юрий молча одобрял его

действия. — Марш всем на выход! После фонтанов всех моментально «вылечу»...

Отец, смирившись, попросил у Тюхина электробритву, включил её, поводил, зажмурясь, по щекам и подбородку. На кадыке и кончиках скул осталась седоватая, не взятая бритвой щетина.

Мужики охали, стонали, беззлобно матерились. Шелестели по влажным спутанным волосам расчёски. Единственная платяная щётка гуляла по всем костюмам поочерёдно.

— Сынок, достань из чемодана белую рубашку, — попросил отец. — И галстук, кажется, где-то там... — схватил со стола графин, наполовину опорожнённый, присосался к горлышку, пил, запрокинув голову, часто и трудно шевеля кадыком, уставившись в потолок бессмысленным взглядом. Потом ему никак не удавалось застегнуть на шее резинку галстука.

Юрик, привстав на цыпочки, помог сцепить металлическую, тронутую ржавчиной застёжку, аккуратно заправил её под воротник белой рубашки.

...Мужики по дворцу бродили полупьяные, ошалелые от духоты, неуклюже волочили ноги, обутое в широкие, похожие на лапти, полотняные тапочки. Заботливо подхватывали друг дружку, не позволяя упасть. Смешно было глядеть, как они шаркают, точно глубокие старики, балансируют руками, как дети, впервые вставшие на коньки. Иной раз, не удержав равновесие, стучались друг о дружку лбами, цеплялись за спасительный рукав соседа, тихонько матерились.

— И как они тут, сволочи, жили?..

— Так и жили: водку не пили, носы не разбивали...

— Почему же мы тут падаем?..

— Да потому, что слаще морковки ничего не видели...

— Тюхин, когда будешь лечить? Помираю, спаси...

— Все мучаются, и ты терпи. Представь, что ты царский вельможа и обязан соблюдать этикет...

— Не шумите здесь! — Старушка служительница, незаметно сидевшая в уголке на стуле, сделала посетителям несколько замечаний. Лицо её было бледное, почти без морщин, на вид — лет семьдесят. Яркая брошка под кружевным воротничком. Казалось, эта старушка вышла из рамки старинной картины.

— Тесновато жили тогдашние цари! — Старый рабочий Чвыков внимательно озирался вокруг. Он был почти трезв. Его серые поблёкшие глаза смотрели на каждый предмет дворца как на изделие, которое с приблизительной точностью мог бы повторить он, Чвыков, в своей домашней мастерской. Машинально трогал каждый столик, шкафчик, шкатулку, а старушки, присматривавшие за порядком, ругались, принимая его за главного варвара в этой нетрезвой компании. Он сбивал с рассказа девушку-экскурсовода, допытываясь, как выложены дымоходы в печах, на каких крюках подвешены люстры, где брали дубы для изготовления паркета?.. Экскурсовод, к его огорчению, этого не знала...

Отец ничего не слышал и не понимал. Он посинел от натуги, дышал тяжело. Сын с жалостью смотрел на него — лучше бы оставил его отлёживаться в гостинице...

— Фонтаны... Где фонтаны? — бормотал он. — Хочу фонтаны!

Тюхин сердито обернулся, велел ему заткнуться.

Отец вдруг остановился, с силой сжал Юриково плечо:

— Кто это? — он указывал дрожащим пальцем на портрет бородатого человека, помещённый под стекло. — Почему он плачет?

На самом деле портрет не плакал — в стекле отражались настоящие отцовские слёзы.

— Ты — царь... — обратился он к портрету, — а я — каменщик... Из партии меня исключили ещё до Перестройки за пьянство. А я верил в коммунизм, вкалывал...

— Пойдём, па! — Юрик повёл его за рукав дальше, вслед за экскурсантами, перешедшими в соседнюю комнату.

Старушка служительница нервно встала со стула и пристально смотрела на Юрикова отца не то чтобы испуганно или презрительно, но с какой-то странной улыбкой.

— Здесь нельзя громко разговаривать! — сделала она отцу замечание.

— А где же мне ещё разговаривать? — уставился на нее отец. — Может, я и приехал в ваш Ленин... то есть Питер, чтобы высказать, что у меня на душе. Кто поговорит со мной? Кто выслушает меня? Вот портрет царя. Он меня слышит и плачет. Его расстреляли за то, что не вышел по-

говорить с народом в хороший воскресный день. И я тоже плачу, потому что мне тяжело. Он понимает, что я не такой уж плохой человек...

Тюхин заглянул в дверь зала, тихо крикнул: «Не отставать!» Отец пренебрежительно махнул в сторону бригадира рукой: дескать, да пошёл ты, надоел, на работе постоянно гавкаешь, и даже тут, во дворце, от тебя нет покоя. Наклонился, желая разглядеть портрет получше, оскользнулся на паркете, ткнулся бледным потным лбом в стекло.

Старушка торопливо посеменила к нему: «Гражданин, аккуратнее!»

Юрику стало стыдно — от отца несло тяжёлым алкогольным перегаром.

— Па... — Юрик дёрнул его за рукав. Однако отец не сдвинулся с места.

— Цари всю историю провоевали, а что осталось от них, кроме этих душных дворцов? Я вот этими руками построю хоть сто новых дворцов!

Пришёл Тюхин, молча взял отца под руку, потащил в следующую комнату, где экскурсовод тихим голосом продолжала свой рассказ.

Залив

Прораб сдержал своё слово — вывел бригаду в тихий уголок парка возле дворца, начал наливать каждому его порцию. Присели на высокую траву в тени старинных деревьев.

— Па, не пей... — просил сын, не надеясь, что его услышат. Когда очередь дошла до Юрикова отца, Тюхин из каких-то «педагогических» соображений налил ему последнему. Отец, насупившись, взял почти полный гранёный стакан в подрагивающие пальцы, крепко сжал его, посмотрел в сумерки парка, шумно выдохнул...

Юрик беззвучно и горько заплакал, отвернувшись от взрослых. Мужики молчали. Юрик шмыгнул носом, вытер лицо светлой кепочкой с прозрачным козырьком.

— Надо всем нам с вином завязывать, а то парнишка переживает... — Тюхин покашлял в кулак, неспешно огляделся вокруг. Толкнул Юрикова отца в бок. — Пей быстрее и давай стакан назад!

Чтобы не видеть, как отец пьёт, мальчик отошёл в сторону, лёг животом на траву, удивляясь, как много тут, в северном краю, полевых цветов:

и клевер, и ромашка, и люцерна, и другие, которые он видел прежде, но не знает их названия.

Мужики повеселели, разговорились. Под высокими кронами деревьев раздавались крикливые довольные голоса. И опять о строительных нарядах, о невесте куда пропавшей машине шифера, о неправильно оформленных договорах.

Юрик почувствовал, как отец трясёт его за плечо:

— Пойдём, сынок, погуляем по парку. Фонтаны-то надо поглядеть!

Подросток встал, отряхнул с джинсов травинки. Он вдруг почувствовал себя усталым, словно побывал на краю света. Даже к знаменитым фонтанам Юрик теперь испытывал равнодушие. Захотелось домой, к матери, чтобы она пожалела его. Отец сказал, что ему получше, но душа всё равно горит и сейчас он напьётся из фонтана. И всё, баста — завязал! Пить он больше не будет...

«Так я тебе и поверил», — подумал Юрик.

Отец шагал быстро и, словно маленького, вёл сына за руку по аллее. Подошли к фонтанам. Вблизи водяные струи казались не такими красивыми и здорово шумели. Отец черпал ладонями из прозрачного ручья, текущего по бетонным ступеням, жадно пил. Он выглядел смешно и глупо. Вытирая мокрое лицо, воскликнул:

— Я никого не боюсь! — Голос его перекрывал шум фонтана, гудевшего над головой белопенным узором. — Никого не боюсь...

— Иди домой! — Страж порядка, проходивший мимо, замедлил шаг, поправил резиновую дубинку, висевшую на поясе. Часто и тонко попискивала рация.

Юрик взял отца за руку:

— Сейчас я его уведу! — сказал он милиционеру. Тот мрачно кивнул.

В шевелении водяных струй туманились лица гуляющих туристов. Слепили глаза солнечные пятна, дробившиеся в серебристых брызгах. Струи, колеблясь, играли как живые. Сверкала шумными искрами водяная пыль, журчала в стоках непрерывно падающая пенистая влага.

Какой-то турист, с виду иностранец — толстый, в шортах, навёл на отца фотоаппарат, щёлкнул.

На боковой аллее показался Тюхин. Он призывно, с улыбкой и в то же время начальственно поманил рукой — идите сюда!

Юрик обрадовался прорабу как родственнику. Хоть и выпивает с мужиками, но порядок держит.

— Смотри, Тюхин... — отец указывал плохо гнущимся пальцем вдаль. — Я думал, что дворцы — прихоть вельмож, на самом деле это красота! Давай построим дворец, Тюхин? Строители мы или кто?..

— Хватит болтать, надо идти, — сказал прораб, доставая из кармана пачку «Беломора».

Втроём вернулись на поляну, где мужики сидели на траве и спорили о каких-то новых расценках. На мятой газете лежали кусочки недоеденного домашнего сала, распившегося на солнце. Помятые шляпы и кепки торчали из высокой травы, как диковинные грибы.

— Говорят, тут недалеко Финский залив? — произнес Чвыков, вглядываясь в глубину аллеи. — Как бы нам на него взглянуть?

Собрали остаток закуски, подняли с травы кепки, шляпы, водрузили на головы. Шагали вразвалку, неспешно. Близость большой воды угадывалась по встречному, насыщенному влагой воздуху, крикам чаек, не видных за деревьями. Остановились на берегу, молча смотрели. Отец, никогда прежде не видевший моря, схватил Юрика за плечо, крепко сжал. Все смотрели на будто бы игрушечные корабли, медленно движущиеся на горизонте, спорили вполголоса о том, какие эти суда на самом деле, показывали на них пальцами. Что-то грустное появилось в обветренных чернозёмных лицах. Старый рабочий даже кепку снял из уважения к морю, ветер шевелил редкие седые волосы. Чвыков вздохнул и почему-то перекрестился. Вдалеке светился белыми кубиками домов Петербург.

— А ведь мы здесь, ребята! — вскричал вдруг отец. — До чего же всё-таки печальное слово — Ленинград...

Здесь, на берегу, рабочие допили последнюю бутылку. Отец взглянул на Юрика, вздохнул и отказался от своей доли:

— Всё, шабаш, ребята — завязываю с вином! Я обещал сыну полную трезвость и слово свое сдержу!

Никто над ним не смеялся и даже не подшучивал.

Прощай, Петербург!

Уже в поезде отец спохватился: — Ёлки-палки! Никакого сувенира матери не купили.

Юрик молча достал из сумки пластмассовую коробочку, открыл её, показал макет Исаакиевского собора. Отец взял его в руки, долго смотрел:

— Думаешь, ей понравится?

Сын пожал плечами. Макет можно поставить на этажерку. А ещё он купил ей коробку конфет «Ассорти». Мать любит сладкое.

— Ты молоток! — одобрил отец.

Сам он выглядел нездоровым. Водку больше не пил, но чувствовал себя скверно. Его трясло, словно в ознобе. Он то и дело приглаживал влажные волосы, на лбу поблескивали капельки пота. Шляпу он где-то потерял.

Мужики шарили по карманам, выгребали последние мятые купюры, молодой проводник, весело блестя глазами, заверил, что у него есть кое-что из спиртного, назвал подходящую цену. Тюхин расправлял мятые бумажки, швырял в чью-то кепку. Нужно было сложиться на две бутылки — вроде бы набиралось. Деньги понес проводнику прямо в кепке, весело покачивая ею. Тот даже пересчитывать не стал, а сразу пересыпал их из картуза в картонный ящик.

Последние две бутылки, несмотря на располагающий и не очень быстрый ход поезда, распивались медленно, вяло и вроде бы даже с неохотой. Прораб привычной рукой разливал поровну в стакан с золотым ободком, прихваченный на память из гостиницы. Поговаривали о «последнем» стакане и о начале «трудоустрой» жизни.

Отец и на сей раз отказался от своей доли — держал слово, данное сыну, и никто к нему больше не приставал. Он забрался на верхнюю полку, притворно зевнул, будто и в самом деле хотел спать. Отвернулся на полке лицом к стене.

Раздавались умиротворённые, чуть насмешливые голоса:

— Съездили-таки, братцы, в Петербург. Да же не верится...

— Да уж, прокатились...

— Зато дворец видали...

— И фонтаны, и залив...

— Расскажу теперь дома. То-то удивятся...

— Ещё бы не удивиться — столько денег пропил!..

— Авось, и ты не меньше...

— Я вот ничего домой не везу. Пакет карамелек — вот и все мои сувениры...

— А я конструктор сынишке купил, с гаечками, с винтиками. Шёл по улице, споткнулся — половина железок из коробки так и прыснула по асфальту... Кое-что сумел с земли подобрать...

— Я на вокзале набор открыток с видами Петербурга купил. Жена теперь убьёт — столько ей всего наобещал...

Отец свесил с полки всклокоченную голову, сказал, что в потерянной шляпе у него в подкладке была защита тысячная купюра...

Мужики засмеялись, похвалили Юрика: здорово, мол, ты его перевоспитал, даже о потерянных деньгах почти не жалеет. Звали подростка после окончания школы в свою бригаду: «Мы из тебя классного каменщика сделаем! Батьке твоему в нашей бригаде нет равных насчет точности кладки углов и стен, а ты, так сказать, переймёшь у него мастерство!..»

Отец, лежа лицом к стене, глухо кашлянул. Похвала друзей была ему приятна. Поезд набирал ход, голова отца ритмично покачивалась, спина туго обтянулась белой в пятнах рубашкой.

Мужики поглядывали в окно на дома, палисадники, пытаясь угадать сорта яблонь, выращиваемых в этом краю, хвалили запасливых местных жителей, заготовивших к зиме высокие поленницы дров.

За окном в сумеречном небесном просторе на фоне угасающего заката, украшенного малиновыми и фиолетовыми проблесками, на вершине ажурных перекрытий какого-то завода возникли вдруг огромные светящиеся буквы, составленные из горящих электрических ламп: «Слава труду!» Лозунг, сохранившийся с незапамятных времён, немислимый внутри таинственной «дворцовой» жизни, он вдруг легко и ярко вознёсся над дымным гигантом.

Буквы горели, сияли, вопреки всем режимам экономии. Казалось, они шипят, разбрызгивая невидимые искры. Поезд мчался всё быстрее, за окном опять стало темно, мужики разбрелись по своим местам. Замолкали разговоры. Юрик лёг на нижнюю полку, накрылся простынёй, затем одеялом. В вагоне стало прохлад-

но. Долго не мог заснуть — слышал, как над ним, на верхней полке, постанывал отец. Юрик закрыл глаза, воображая себя гигантом, поднявшимся в полный рост на километровую высоту. Мысленно видел серую змею поезда, исчезающие огненные буквы, далёкий туманный Петербург. Поезд спешил к Москве, которая заранее виделась светлой, утренней, ясной, словно бы домашней. Там дальше, за Москвой, родной посёлок — крошечная точка среди гремящих ночных просторов. Там их ждала мать.

Часть вторая. ВОСКРЕСНИК

Коптилкин давит на газ

Дюжина строителей из райцентра выехала на воскресник по благоустройству заброшенных деревень. Юрик тоже увязался с отцом. Ехали в тракторной тележке, дно которой было заляпано кусками присохшего корявого цемента, осколками битого кирпича. В углу, ближе к правому борту, лежала куча белых стружек, застеленная мешковиной. Там пристроились две конторские девушки — Нина и Света.

Мужики сидели какие-то радостные, словно ехали на пикник, вертели по сторонам головами: «Там я рыбачил!», «А я возле того лесочка лису подстрелил!», «А вон за тем бугром моя родная деревня!..» Посреди обитого стёртым железом кузова расплодилось мазутное пятно. Подошвы скользили, мужики чертыхались, стесняясь выругаться при девушках.

Тележка, влекомая шустрым колёсным трактором, ехала быстро, подпрыгивая на ухабах. Кирпичные осколки бряцали и гремели по всему кузову. Девчата взвизгивали, цеплялись друг за дружку, за доски корявых занозистых бортов. Красная пыль клубилась так густо, что соседних лиц не было видно. Стружки, вихрясь в воздухе, лезли за шиворот, щекотали кожу.

Прораб Тюхин, начальник над всей бригадой, встал в кузове во весь рост, крикнул зычным голосом, приказывая трактористу остановиться. Трактор послушно дёрнулся, убавил обороты, притормозил на обочине. Из кабины вылез молодой тракторист Коля Коптилкин — невысо-

кий длиннорукий паренек с вечной ухмылкой на плутоватой физиономии.

Тюхин грузно спрыгнул с тележки и так заорал на него, что тот попятился назад, улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Ты что же, паразит, таким макарком людей везешь? Не удосужился вымести из тележки мусор. И скамейки мог бы найти в столярке: девчат везешь и... — Тюхин обернулся, кивнул на Юрика, — детей!

Юрику не нравилось, когда его называли «ребёнком» или даже просто «мальчиком». Он уже взрослый, в десятый класс перешёл. Ростом, конечно, невелик — в отца...

Коптилкин оправдывался — в тракторной тележке людей и вовсе запрещено перевозить, но директор приказал, потому что автобус сломался. А скамейки в тележке устанавливать нельзя — очень уж, зараза, прыгучие! Гораздо надёжнее сидеть в ней на корточках и держаться за борта.

Пока Тюхин ругался на Колю, мужики наломали в лесополосе веток, связали веники, дали девочкам. Те вымели пол, поливая его водой из большого термоса. И еще мужики наломали длинных берёзовых веток, сидеть на которых было приятно и духовито.

От веток в кузове стало как-то празднично, привольно. Но Тюхин разошёлся и продолжал ругаться на тракториста. С похмелья он всегда был сердитым. Мужики весело его подначивали: мол, так его, черта Коптилкина, крой дюжее!

Ох уж эти взгляды!

Поехали дальше. С обочины горчило по-льнью. Берёзовые листья смягчали прыжки тележки, быстро увядали на жаре, источая банный запах. Тракторист поглядывал в заднее окошко кабины, стараясь сверкающим глазом подмигнуть девушкам. На хороших участках дороги, прикатанной двумя белыми полосками, Коптилкин давал полный газ — тележка вибрировала в такт двигателю и ехала со скоростью легкового автомобиля. В такие минуты Юрика охватывала необъяснимая радость. Он думал о том, что едет вместе со взрослыми людьми косить сено, а ещё о том, что со временем он вырастет и его полюбит такая красивая девушка, как Света, или хотя бы добрая, как Нина... Даже

слёзы выступали от ветра, и он незаметно вытирал их рукавом курточки.

У Светы, самой красивой девушки в конторе, а может, и во всем поселке, в тёмных, колеблемых ветром волосах пламенел цветок мальвы, сорванный во время остановки. Крупные багряные лепестки пружинисто изгибались от встречного воздуха, смешанного с гарью дизеля, касались её смуглой щеки. Один оторвался, защекотал лицо, но Света успела его поймать, прижала к губам. Послюнявив лепесток, хитро прищурила карие блестящие глаза и неожиданно прилепила его к Юрикову лбу, зеленеющему под прозрачным пластиковым козырьком. Юрик замер, парализованный этим прикосновением. Теперь он точно знал: сегодняшний день для него самый счастливый!.. Влажный лоб под лепестком горел жаром, будто в него раскалённой кочергой ткнули. Юрик боялся пошевелиться и тупо смотрел прямо перед собой, не видя ничего в ярком просторе полей.

Отец небрежным движением протянул руку, грубыми корявыми пальцами сграбастал лепесток, швырнул его в сторону. Трепетнув мимо Юриковой щеки, лепесток упорхнул, словно бабочка, мелькнул прощально в клубах пыли.

— Не балуй! — отец погрозил Свете пальцем. — С Колькой заигрывай. Ему, балбесу, все одно, лишь бы от работы отлынивать.

Обе девушки засмеялись. Нина задумчиво вертела в ладони белый цветок мальвы. Стеснительная, рыжеватая, она любила посмеяться, прикрывая рот ладошкой. Но в глазах её при любом веселье всегда стояла серьёзность.

«С некрасивыми проще, — думал Юрик, — зато они хитрее. Себе на уме, говорят умно и едко».

Рабочие задумчиво смотрели на утренние поля, покрытые серебристой росой, спорили, зацвела гречиха или нет. Роса испарялась, зелень приобрела бархатистый оттенок. Воздух над горизонтом качался, как слоистый дым. Горизонт подпрыгивал, словно стремился навстречу людям, а сам отодвигался всё дальше и дальше.

Старые Хутора

Приехали в заброшенную деревню, остановились посреди выгона. Слезли с тележки — даже Тюхину трава по пояс. Мужики вспом-

нили название деревни — Старые Хутора.

— Была деревня — стала лесом... — вздохнул пожилой рабочий Чвыков. У него седые волосы под выгоревшей кепкой, голос чуточку сиплый.

Бухгалтер Федулыч, важный и пухлый, в шляпе, отобрал у Юрика большую косу, взамен вручил свою — с нешироким лезвием и гладкой рукояткой. Как раз под мальчуковый рост.

Юрик взмахнул косой — подсеченный пышный лопух скрипуче завалился, вздрогнул головками серых цветов с бледно-розовыми коронами. Отец с улыбкой глядел на сына. Он пока не спешил приступать к работе, смотрел по сторонам, вольно дыша, потирая озабоченно лоб, успевший покрыться мелкими капельками пота.

Завжикали сразу десятка полтора кос. Каждый работал где хотел, не разбиваясь по рядам. Валили лопухи, крапиву, люцерну, лютики и все прочие растения, попадавшие под лезвие косы. За работу строителям обещали дать зерна.

Света и Нина граблями собирали тяжёлые духовитые валки, пахнущие травяным соком, тонкие руки конторских девушек работали с усилием. Сено пригодится в домашнем хозяйстве.

— Косить тебе трудно будет, — отец обернулся к Юрику, оглядывая в который раз бурьянные деревенские просторы. Кое-где торчали крыши домов. — Если хочешь, бери грабли...

— Нет, я с тобой, — ответил Юрик. Ему, конечно, хотелось быть поближе к девушкам, и в то же время он должен был заниматься мужским делом.

Бухгалтер Федулыч, поплевав на пухлые ладони, гордо просеменил по лугу, почти скрываясь в траве, поправил очки, привязанные на затылке резинкой, сдвинул набекрень шляпу, оглянулся с важным видом, отступил левой ногой на один шаг, примерился, размахнулся.

Мужики молча на него смотрели.

Федулыч плавно провел первый взмах-полукруг. Сначала по низу травы мелькнула чёрная стальная тень лезвия, словно змея скользнула, затем послышалось запоздалое вжиканье. Стена травы качнулась, завалилась набок, обнажив белесую желтоватую землю с торчащими из нее корешками — будто клочок волос выстригли с головы мальчишки. Затем ещё и ещё. Косил бухгалтер хорошо и ловко, никто от него этого не ожидал.

Рабочие уважительно переглянулись: есть, мол, в нашем Федулыче крестьянская закваска!

Юрик тоже постепенно принаравливался, хотя коса то и дело ковыряла носом землю.

Матушка-крапива

Отец посоветовал ему для начала сразиться с зарослями крапивы, избежавшей по холму к ближним домам. Сплошной зелёный вал. Несмотря на грозный вид, крапива падает от самого лёгкого движения косца, валяясь с хрустом маленькие зелёные леса и чащи. Юрик воображал себя богатырем, побеждающим орды кочевников: махнет — улочка, повернётся — переулочек! Крапива податливо шелестит, валится нестрашными рядами. Зато репейник упорно сопротивляется. Размахнешься со всей силой, подсецёшь его под корень — коса металлически гукнет да и застрянет в твёрдом, будто дерево, корневище, с трудом обратно выдёргивается.

Юрик то и дело устраивал себе передышку, стоял, опершись на гладкий черенок косы, вдыхал пёстрые луговые запахи, поглядывал на Свету и Нину, пересмеивающихся о чём-то своём. Перекликались вдалеке косари. Юрик следил за полётом разноцветных бабочек и чувствовал, как внутренний жар усталости подступает к лицу, излучаясь в прохладу утреннего воздуха, не прогретого солнцем в тени деревьев. Никогда прежде Юрик не думал, что в его теле может скопиться столько тепла. Словно печку в груди затопили.

На холме сиротливо чернели брошенные дома. «Неперспективная» деревня — так объяснил Тюхин, хотя над домами возвышались телевизионные антенны, на которые то и дело садились вороны, недружелюбно каркали, поглядывая на приезжих. Поднимающийся к полудню ветер топорщил им перья. Юрик прицелился на ворон черенком косы, воображая, что в руках у него ружье. Глупые птицы испугались, улетели с громким карканьем.

Мертвее мёртвого поблескивали в брошенных домах пыльные стёкла, отражая радужной, будто нефтяной плёнкой покачивающиеся макушки бурьяна. Ни одной живой души за окнами... Зачем люди ставили эти дома, зачем в них жили? Ничьи жилища, словно защищаясь от непонятной угрозы, окружили себя заматерелой, в рост

человека, крапивой. Почему эта странная крапива любит жить возле пустых домов, у покосившихся сараев, на помойках? О чем грустит она, укрывая бархатистым навесом битые стёкла, ржавые консервные банки, обрывки грязного полиэтилена? Какой глубинной горечью питает она свои хрусткие слабые стебли, переламывающиеся от удара хворостины? Зачем высасывает она яд и гниль из порченной земли и сама при этом озлобляется? Почему она так стремится быстрее жить, расти и по весне пробивается из-под льда вместе с подснежниками и умирает самой последней из растений почти в начале зимы, убитая крепкими морозами? И всегда она почему-то злая, норовит укусить и старого и малого. С внутренней стороны крапивного листа Юрик видит тонкие, едва заметные иголки. В них — невидимые капельки жгучего яда. Чуть зазеваешься, и руку будто огнём опалает. Кожа краснеет, пузырится, вскипает нестерпимым зудом.

Он дует на обожжённые ладони, жар в них слегка унимается. Недружелюбно смотрит крапива на приезжих людей, потревоживших её глухотный, пахнущий горьким солнцем простор. Зашуршит меж стеблей мышь, проскользнёт пятнистая желтоглазая змея-медянка, перегревшаяся в горячих камнях — она скользит в ложбине к ручью, чтобы охладить в мочажине своё гибкое тело, а заодно проглотить мимоходом зазевавшуюся лягушку.

Сверкнёт в пушистых макушках паутина, запутается в ней бьющейся точкой муха, зазвенит отчаянно, словно пила лобзика о фанеру. Несчастливая, она похожа своим ярким зелёным брюшком на кляксу. Испустит последнее пронзительное жужжание, сверкнёт серебристыми крылышками, и маленький серый паучок, не успевший откормиться в начале дождливого лета, хлопотливо обнимет её нервными торопливыми лапками.

Юрик сбил паука прутиком, высвободил из хрустких паутинок неподвижную муху, но она была уже сухая, мёртвая и вмиг рассыпалась меж пальцев чёрными искрящимися комочками.

Дикие вишни

Вокруг тишина. Юрик забыл, что он приехал сюда работать, а не смотреть по сторонам. Взглянул за дело, прокосил дорожку до брошенно-

го сада, решив полакомиться вишнями, которые уже совсем поспели. Ягоды крупные, яркие, будто нарисованные в гуще листвы. Кожица на них туго и глянцево натянута, покрыта тончайшим налётом пыли. Сожмёшь такую вишенку двумя пальцами, и она прохладно пружинит, словно надутый резиновый шарик. И вдруг беззвучно лопнет, обдав ладонь прохладным кровавистым соком, липко и чернильно высыхающим, успевшим ручейком скользнуть до самого локтя.

Юрик ел вишни до тех пор, пока во рту от них не появился горький привкус. Наверное, горечь эта перешла в ягоды из безбрежных крапивных зарослей, за которыми слышались весёлые голоса мужиков — они тоже устроили перекур.

Вишни тоже, наверное, умные. Понимают, что Юрик наелся — отрываются с неохотой, тянутся, упираются до тех пор, пока мякоть не соскользнёт с крепкой, янтарно поблескивающей косточки. Вишни уже не влекут, а как-то стеклянно, надоедливо блестят на ветках, словно ёлочные игрушки. Некоторые ягоды подсохли, скукожились. На круглых боках рваные обветренные ранки. Торчит жёлтая сухая косточка — птицы клюют поспевающие плоды.

Жужжат возле лица Юрика шальные от сладкого сока мухи. Прогудел тяжёлым бомбардировщиком шмель, упал мягким комочком в заросли малины. Кепку-бейсболку припекло солнце, волосам горячо. Щёки обжигает небесный шипящий огонь. Иногда на деревенскую поляну прорывается вольный степной ветер, колышет макушки застарелых деревьев. Ветер несёт далёкую прохладу — от самых, наверное, айсбергов прилетел. Юрик видел по телевизору эти айсберги, окружённые тёмной водой. Ветер приятно холодит подпалённые солнцем щёки. В потоках воздуха рассеяны прохладные иголки Арктики. Но солнце в разгар сенокоса все равно печёт сильнее. В минуты затишья оно пронзает чуть ли не до самых пяток.

Затаился чужой брошенный дом. Вот сейчас, кажется, звякнет щеколда, распахнётся покосившаяся дверь, выйдет на порог сердитый лохматенький домовый, прохрипит сонным голосом: «А кто это там хозяйничает в моём саду?»

Шуршат под ногами ящерицы, а может, ещё какие зверьки, напуганные незванным гостем. Юрик углубляется в заросли малины. Кусты сог-

нули под тяжестью крупных ягод. Листва у малины пушистая и корявая. Ягоды переспели. Едва прикоснёшься к ним — они падают в подставленную ладонь. Несмотря на жару, ягоды прохладные от внутреннего сока, крупитчатые, словно розовый снег, тают во рту, как мороженое.

В самой крупной ягоде копошится муравей. Вот куда забрался, лакомка! Юрик дует на ягоду осторожным дыханием губ, сложенных трубочкой, муравей судорожно дёргает лапками, цепляется за прозрачно-красные, в белесом пуху, дольки ягод, которые, наверное, кажутся ему глыбами размером со скалу, скользит по ним, кувыркается под напором неожиданного вихря. Падая с листка на листок, муравей исчезает в зелёных джунглях.

Мальчик фантазирует о том, как муравей, очутившись на земле, сидит на песчинке, словно усталый мужичок, и, потирая голову лапками, размышляет, в какую сторону ему податься, чтобы скорее найти свой муравейник. Крякнет задумчиво, встанет и, опираясь на тонкую сухую травинку, побредёт с посошком на свет полуденного солнца, чтобы к вечеру очутиться в объятиях многочисленной родни...

Малину можно есть долго, но до конца так и не наешься. Юрик давно это знает. Наберёшь с горсти полный рот — щёки раздуваются! — шевельнёшь разок-другой языком, и малина тут же тает, растворяется в слюне сладкой душистой водицей.

Брошенный дом

Мужики не могут равнодушно глядеть на брошенные дворы. Бредут по пояс в бурьяне, с трудом открывают скрипучие калитки, присаживаются на потемневшие лавочки в палисадниках.

К малиннику подошёл отец. Сорвал одну ягоду, положил машинально в рот, сжевал без всякого выражения, словно промокашку. Отец не пьёт после возвращения из Петербурга. Дал слово сыну быть всегда трезвым!

У бригадира Тюхина в большом пакете к обеду припасено несколько бутылок хорошей самогонки.

Отец и сын приблизились к облупившейся стене дома, заглянули в окно. Юрик вцепился в

ржавый карниз подоконника. Рука дрожала от напряжения. В комнате стояла железная кровать с кружевным старинным подзором. Перины не было, панцирная сетка прикрыта покрывалом. У стены платяной шкаф с треснутым наискосок зеркалом. Юрику почудилось, что в дом завалился осколок неба с белыми движущимися облаками. Гранёный зеркальный уголок передельывал солнечный луч в семь радужных полосок, шевелящихся на потолке от внутренней затаённой дрожи. На подоконнике в глиняном горшке доживал свой век комнатный цветок: бледный, хилый, засохший. Земля в горшке растрескалась.

В каждую трещину можно палец засунуть. Как цветок ухитряется здесь выжить? Ведь его совсем никто не поливает! Какую влагу берет он из остатков окаменевшего грунта?

— Работать, товарищи, работать! — послышался вдалеке тонкий, с дребезгом и в то же время властный голосок бухгалтера. — Этак мы до вечера будем по кустам бродить. Нам нужно накопить две тележки сырой массы, фактически шесть тонн!

— «Товарищи!» — передразнил Федулыча отец и скорчил кислую мину на лице. — Тоже мне «товарищ» нашёлся. Такого слова сейчас уже никто не знает. Это мы, дураки, ходим по-прежнему на воскресники, угождаем начальству...

Каждые пять минут бухгалтер старается напомнить, что он здесь главный. И получается, что люди работают на лугу не по собственной воле, но как бы при руководстве, которое доводит до них план.

Федулыч машет короткой пухлой рукой, приглашает всех на выгон. Очки на нём те же самые, которые надевает в контору, — с толстыми стёклами, с чёрными дужками, связанными замусоленной белой резинкой, чтобы не сваливались с жёлтой тыквообразной головы. Когда бухгалтер в минуту передышки снимает капроновую шляпу и обмахивается ею, как веером, резиновые завязки встают на затылке забавными рожками.

Мужики машут косами с удовольствием, некоторые даже с азартом. Соскучились по крестьянской работе!

От скошенной травы пахнет холодной свежестью, цветочной пылью вперемешку с крапивной горечью. Но все запахи перебивает

прилипчивая маслянистая полынь. От неё лезвие косы блестит густо и жирно, точно маслом намазанное.

Света и Нина сгребли несколько валков. Тракторист Коптилкин принялся грузить травяную массу в тележку, ловко орудуя вилами. Он так увлёкся делом, что забыл шутить с девчатами.

Лицо его приняло выражение детской сосредоточенности. Цветистая кепка, замасленная с одной стороны, украшенная иностранными буквами, сбилась набок. Рубашка лопнула сбоку по шву. Девчата, переглянувшись, хихикают, прикрыв рты ладонями.

— Пора тебе жениться, товарищ Коптилкин! — объявляет Федулыч, стараясь казаться ироничным. Однако голос его звучит серьёзно и назидательно, как на собрании. — Постоянно ходишь в дырках. У тебя дома иголки, наверное, нету?

— Вот ты, Федулыч, коньки отбросишь, на твоей бабке женюсь... — выпаливает неожиданно Коптилкин и, выпрямившись, озирается, словно бы удивляясь — к чему он такое ляпнул?

Толстяк досадливо морщится. С Колькой Коптилкиным лучше не связываться, любого за пояс заткнёт.

— Разговорчики!.. — ворчит бухгалтер, правая рука его мелькает в воздухе, словно бы вычеркивая товарища Коптилкина из списка на премию. — Уравнивай траву, с правого борта, видишь, свешивается...

Тракторист, поморщившись, идёт на другую сторону телеги, поправляет зелёный ворох. Ему очень хотелось бы дружить с любой из конторских девчат, но Света и Нина не проявляют к нему большого интереса. Хотя Нина часто заступает за него перед начальством. Парень, дескать, шепутной, любит выпить, и трактор его часто едет по дороге зигзагом... «Ах, Коптилкин, ну почему ты такой непутёвый?» — вздыхает Нина.

«Крестьяне»

Здесь, посреди брошенной деревни, обе девушки казались Юрику милыми, усталыми, беззащитными. Ему хочется скорее вырасти и жениться на Свете, которая очень ловко работает граблями. Прядь тёмных волос выбилась из-под косынки. Она заметила, что подросток смотрит на нее, подмигнула. У Юрика тяжело забилося сердце.

Очень жарко, однако Федулыч никому не позволяет раздеваться даже до пояса, кивает многозначительно в сторону девушек. Нельзя так, нельзя! Мужики терпеливо переводят дух. Рубашки на спинах потемнели от пота.

— Вот мальчику, пожалуй, можно... — Бухгалтер не глядя указывает пальцем на Юрика. — Если хочешь, разденься, но только до майки! При женщинах не полагается выглядеть обнажённым.

Юрик обиженно шмыгнул носом: мог бы Федулыч назвать его «парнишкой», к примеру, или «молодым человеком». «До майки»!.. Юрик майку и зимой не носит — закаляется... Все работают в одежде, и ему не требуется поблажек. Пусть все видят, что он не отстаёт от взрослых.

— Крестьянский труд! — воскликнул горделиво Федулыч тонким своим голоском, таким странным при его полноте. Надул круглые щёки, сделавшись похожим на хомяка. — Все мы, товарищи, кого ни возьми, крестьянского происхождения. У нас в крови пылает тяга к вольной работе в полях. От такой работы происходит смирение в непростой человеческой душе...

«Как бы не так!.. — подумал злорадно Юрик. — Вот выпьют за обедом мужики — увидишь, какие они смиренные...»

Природа на всех действует размягчающе, а Федулыча, сидевшего целый год в кабинете, она просто пьянит. Смотрит толстяк вокруг с нескрываемой радостью кабинетного человека, в кои-то веки выбравшегося на природу, вдыхает полной грудью свежий воздух. День-деньской сидит он в конторе, перебирает бумаги, нажимает кнопки калькулятора, заглядывает в компьютеры, на которых работают Света и Нина, велит делать поправки. А когда у него дебет не сходится с кредитом, берёт старинные деревянные счёты и начинает с неподражаемой скоростью щёлкать костяшками. Курит бухгалтер папиросу за папиросой. Какое уж тут здоровье? И полнота его мучит, и одышка. Каждые полчаса глотает незаметно маленькие таблетки от сердца. Почёсывает руки — все в алых крапивных пятнах. Пыльца цветов и растений зелёным пушком садится на стёкла очков, то и дело он протирает их носовым платком.

— Есть, товарищи!.. — восклицает Федулыч, пробуя в наскок оседлать новую мысль. — Есть

в данной луговой работе что-то этакое... народное!

Прораб Тюхин понял это выражение не в лирическом, но практическом смысле.

— Может, налить ребятам по сто грамм? — спросил он бухгалтера.

— Отставить разговорчики! — испуганно взвизгнул Федулыч. — Мне ваша пьянка и на производстве надоела. Не позволю благородный труд на лоне природы превращать в шабаш. Побудьте хоть единый день трезвыми! Полюбуйтесь великолепием родных мест!

Мужики сначала насторожились, затем беспокойно переглянулись, разом приуныли. Теперь они жалели, что взяли бухгалтера с собой.

— Чудаки! — умиленным голосом растолковывал Федулыч. — Это самое народное — то, что не в вине, чёрт бы вас всех, пьяниц, побрал, а в этакое... — Он шевелил короткими толстыми пальцами в густом духовитом воздухе, словно месил тесто, пытаясь выковырнуть из тени лозин, из солнечных зайчиков, прыгающих по скошенной поляне, непонятную изюминку истины.

Но главного слова, которое так беспомощно и тщетно искал бухгалтер, пока ещё никто не придумал. Юрик это знал точно. Если бы такое слово было, Федулыч бы его произнёс. Он человек грамотный, читает все газеты подряд. Даже отец его уважает, хотя и недолголюбит.

Рабочие, поработав вилами, нагузили тележку сырой травой.

— Хватит! — командным голосом воскликнул Коптилкин. — Вон как шины колёс промялись. Счас отвезу домой, а ты, Федулыч, наливай покамест мне чарку...

— Я вот тебе налью!.. — Бухгалтер побагровел и остекленел глазами, зашарил ладонью по нагрудному карману, лицо его наполнилось бледностью, ноги обмякли, он боком завалился на траву.

— Докрестянился... — проворчал Тюхин, отбрасывая решительно косу, быстрыми шагами подошёл к Федулычу. — Как я тебе говорил: оставайся, старик, дома! Без тебя обойдёмся... — И, обернувшись к трактористу, угрозил кулаком: — А тебе, Коптилкин, лишь бы старика дразнить!..

— Да я что?.. — оправдывался Колька. — Я не хотел...

— Запах ромашек ему подавай... — продолжал ворчать Тюхин, склоняясь над бухгалтером. — Берите его, братцы, осторожно и тащите к пруду — авось возле воды наш дед оклемается.

Тюхин распоряжался уверенно, снисходительно, как и подобает вожаку строителей.

Мужики подхватили грузного Федулыча и, кряхтя, поругиваясь, потащили его к пруду, незаметному среди лозин.

Засверкало зеркало воды, пахнуло влагой. Рабочие плюхнули бухгалтера под куст, распрямились, облегчённо перевели дух, озирались растерянно.

Толстяк тихо стонал. Пошевелился, привстал. Ему помогли сесть. Под назелённой от травы рубашкой колыхнулся большой живот. Ноги у Федулыча были короткие, несоразмерно тонкие и бледные под завернувшимися штанинами.

Старый рабочий Чвыков набрал из пруда полную кепку воды, собираясь плеснуть на большого. Но увидев, что тому полегчало, вылил воду из кепки на траву. Вода была жёлтая, мутная, пахла тиной и лягушками, и от этого запаха Юрику почему-то захотелось поскорее искупаться.

— Что вы за люди! — стонал бухгалтер, отыскивая в карманах таблетки. — В конторе с вами, балбесами, ругаюсь, и тут порядка нет. А ведь как сначала хорошо было!..

Все молчали.

— Ничего, Федулыч, посиди, покури, а мы тут слегка испунёмся...

Бухгалтер взмахнул раздражённо рукой: делайте что хотите! Нашарил таблетку, привычно проглотил без воды, затем достал сигаретную пачку. Он пытается покончить с курением, ведёт учёт выкуренных сигарет. Вот и сейчас, достав из бокового кармана пиджака потрёпанный блокнот, поставил дрожащей рукой цифру — 7. Она была для него счастливой, оттого Федулыч машинально улыбнулся. Затем сосчитал пульс на руке и в соответствующей графе поставил вторую цифру — 80. Эта цифра была не очень хорошая, и бухгалтер опять нахмурился.

Купаться!.. Юрик ещё со вчерашнего дня мечтал об этом. Деревенский, окружённый тихими кустами прудик казался загадочным, будто на картинке нарисованным. В таких заброшенных прудах водятся, наверное, русалки и водяные.

Сохранился помост из кривых жердей: когда-то хозяйки полоскали здесь бельё.

По зеркальному простору воды плыла маленькая дикая утка с утятами, поглядывала на людей, собравшихся на берегу, тревожно, с хрипотцой крикала.

Мужики принялись спорить: натурально дикая или домашняя, одичавшая? Даже Федулыч с любопытством привстал, прислонившись спиной к стволу черёмухи. Вынул изо рта сигарету, смотрел, словно никогда не видел такого чуда. Круглое опухшее лицо его осветилось улыбкой, глаза под стеклами очков умильно блеснули. Хотел что-то сказать, но закашлялся, испуганно схватился за грудь.

Утята пищали, лопотали на весёлом детском языке. Пушистые комочки быстро перебирали лапами, то вдруг заводятся, взбурлят фонтанчиком воду и — стрелой вперёд! Затем тихонько подгребают, шевелят пушистыми грудками, поглядывают чёрными сверкающими глазёнками на маму. Нырjali, исчезая в воде, затем стремительно выныривали в стороне от стайки, то вдруг зтейливо привставали на воде во весь свой крохотный рост, хлопали маленькими неоперёнными крылышками, роняя с них капли воды.

Купаться всем разрешено!

Юрик быстро разделся, а мужики ещё только расстегивали пуговицы на рубашках, расшнуряли пыльные башмаки.

Подросток вышел из тени черёмухи в прямую, обрушивающуюся вертикально с неба жару, побрёл по мягкой прохладной траве к зелёной полоске тины, окаймлявшей водоём влажным пахучим кольцом. Наступил на что-то гладкое, скользкое и в то же время неживое — Юрик замер, дыхание в нём задержалось. Голая, распарившаяся в сандалии пятка с едва слышимым писком вращалась на осколке бутылки, вдавленном в землю острыми краями. В первый миг подросток готов был подпрыгнуть от страха, но постепенно пришло ощущение покоя и даже сонливости. Он застыл в неподвижной позе на берегу, обжигаемый со всех сторон солнцем.

— Сразу с берега не нырай! — раздался голос отца. — Тут небось коряги...

А Юрик и не собирался нырять, осторожно

ступил на сбитые неплотно и уже разошедшиеся жерди мостка. Разогретые жарким солнцем, они покачивались, скрипели под ногами. Запах стоячей воды был густой и терпкий. Сел на самый краешек, свесил ноги в тёмную воду, будто в маслянистую прохладу. Поднял вверх растопыренную ладонь, защищаясь от солнечных лучей. К незагорелым коленкам налипли зелёные змейки тины. По водяной колышущейся поверхности прыгали большие солнечные зайцы. Их догоняли, сверкая вразнобой, весёлые дробящиеся зайчишки. По сверкающей воде стремительно носились водомерки, оставляя после себя расходящиеся большие круги. В клубках серой пены шевелились маленькие красные червячки — раздолье утятам и рыбам!

Золотистые круглобрюхие караси выпрыгивали иногда под ветками лозин, дразня любителей рыбной ловли, мечтающих не о сенокосе и граблях, но о хорошей бамбуковой удочке. Когда раздавался всплеск и толстый карась выпрыгивал до веток, дразня всех зеркальной чешуёй, глянцевая листва прибрежных лозин освещалась каким-то неземным сиянием, будто лампочка вспыхивала и тут же гасла. Мужики с приоткрытыми ртами глядели на расходящиеся по воде круги — надо сюда в следующий раз с сетью приезжать!..

— Сразу не прыгай! — снова напомнил Юрику отец.

Сзади и сбоку послышался плеск — неуклюже, с громким смехом бросались в воду косари. Все мужики были в длинных, до колен, трусах, а старик Чвыков и вовсе в белых кальсонах. Зато Юрик ещё с утра догадался надеть плавки. Где сенокос — там и купание!

Вот и отец, раздевшись, бросился в пруд. Учил сына заходить постепенно, а сам с глинистого откоса ухнул головой вниз. На берегу остался один Федулыч, разминающий в пальцах новую сигарету. Закурил, сделал в блокноте еще одну отметку...

— Й-ых! — отец вынырнул, отфыркнулся, помотал головой. Глаза его глядели с дикой радостью, словно бы не узнавая сына. — Ой, коряга, чёрт!.. — присел, погружаясь с головой в воду, нашарил, вынул её — чёрную и мокрую, с грязными потёками, да и хлясть на берег. — Не путайся под ногами, окаянная!

Вода звенела, протяжно шипела. Зелёная

прудовая поверхность кипела белыми бурунчиками, тёмными водоворотами, выносящими наверх коричневую донную муть, булькающие пузырьки газа.

Юрик всё никак не мог решиться нырнуть в воду, но волны от купающихся достигли мостков, плеснули под жердями. Он оглянулся и увидел, что бухгалтеру стало лучше — тот выглядел почти совсем бодрым и ел вишни из газетного кулёка — девчата, наверное, нарвали. Юрику стало стыдно, что он сам, первый, не догадался сделать доброе дело для большого человека.

Девушки выплывали с другой стороны пруда — где-то в зарослях успели раздеться. Плавными толчками двигались над поверхностью воды две хорошенькие головки: одна светлая, в мелких кудряшках, — Нина, и каштановая, красиво освещающаяся под солнцем, — Света!.. Широко и плавно разводили белеющими под водой руками, тихо, отрывисто переговаривались о чём-то своём, то и дело взрываясь вспылками стеснённого от давления воды смеха, раскатывающегося над гладью воды. На середине пруда окунулись с головой, зашлёпали ладонями, вынырнули — сверкнули загорелые, в каплях воды плечи с тесёмками синего и жёлтого купальников.

— Утопайте, дьявол с вами!.. — засмеялся на всю округу громоподобный Тюхин. — Всё равно вы нам строительные расценки занижаете...

Дикая уточка пронзительно закричала, уводя утят в дальний, загибающийся сапогом уголок пруда, пряча малышей под свешивающиеся косы лозин. Один утёнок, самый отчаянный, вёрткий, отстал, заигрался сам с собой, упоённо ныряя, стрекоча клювиком, — проверял, не попадёт ли червячок. При этом он то и дело оборачивался, поливая перья на спине водой, вращал налево и направо крохотной головкой, с любопытством поглядывал на людей тёмными бисеринками глаз. Вертелся на одном месте, словно хотел сказать: вот какой я молодец!

— Ах ты, пострелёнок! — воскликнул с умилением Федулъч. Он съел все вишни, пустой газетный кулёк с расплывшимися пятнами валялся на траве. В руках его была всё та же нераскурная сигарета. — Догоняй маму, чудак!

Утёнок будто и впрямь услышал бухгалтера. Он вдруг перестал нырять, тревожно озирался, волчком завертелся на месте, пронзитель-

но запищал, замолотил по воде одновременно лапками и смешно растопыренными крыльшками, похожими издали на крохотные детские ручонки. Вода из-под его лапок была фонтаном. Он мчался над поверхностью пруда словно листок, гонимый ветром.

Мама-утка, похожая на флагманский корабль, остановилась, развернула свою маленькую эскадру, закричала призывно и успокаивающе. Она словно бы ругала шалунишку и одновременно выговаривала присмирившему выводку — нельзя брать пример с такого сорванца!

Юрик, взбодрённый утиным писком и близостью воды, плюхнулся с мостика всем телом вперёд, отбив докрасна кожу о маслянистую поверхность пруда. Встав на ноги, с омерзением коснулся подошвами мягкого, словно мокрая вата, дна. Грязь под ногами была скользкая и противная. Ступни по щиколотку утонули в слоях ила. Пузырьки донного газа защекотали живот и руки, пистонами щёлкнули в грудь. Руки, опущенные на воду, плавали деревяшками. Мальчик замер, словно под гипнозом, ощущая, как под весом его тела, ослабленного водой, хрустят прошлогодние листья и тонкие палки, набившиеся в донную грязь. Некоторые из этих палочек встали на дне торчком и будто гвоздями кололи подошвы.

Девчата перестали баловаться и вновь смиренно плыли рядышком. Прически их наполовину намокли, расплзлись блестящими змейками по мокрым плечам.

Юрик тоже поплыл, стараясь держаться от девушек подальше, чтобы никто не подумал, будто он набивается им в компанию. К девчатам с уханьем и брызгами поплыл Коптилкин, шлёпая по воде длинными руками. Мужики тут же стали над ним смеяться, тогда он резко замедлил движение, перевернулся на спину и глядел в небо, делая вид, что не обращает ни на кого внимания.

Юрик глотнул нечаянно зелёной воды, с отвращением выплюнул — он вдруг заметил на бугре кресты деревенского кладбища. От мысли, что вода вначале обмывала покойников, ему вдруг расхотелось купаться. Кто-то страшный, холодный, поднимался со дна, стремясь обхватить его скользкими щупальцами.

Жила на свете Верочка...

Юрик выбрался поскорее на берег, прилёг на траву. Полуденное солнце согревало бледную, покрывшуюся пупырышками кожу.

Подошёл отец. Волосы на его голове после купания топорщились в разные стороны, как у клоуна, к щеке прилипла зелёная полоска тины.

— Одевайся, на кладбище ходим! — сказал отец.

— Зачем? — Юрик почему-то испугался.

— Покажу тебе один памятник. И колодец тут где-то есть. Надоело пить из термоса — солёной пахнет!..

Юрик оделся, и они пошли по едва заметной тропинке, огибающей пруд. Показались крайние могилы, заблестели никелированные таблички с именами. На бетонных и металлических памятниках различались фотографии человеческих лиц, торчали из лопухов ржавые железные ограды.

— Вот памятник! — На кирпичном постаменте с обвалившейся штукатуркой стояла гипсовая девочка в короне-венке. Фигурку обвивали душистые жгуты хмеля, фиолетовые цветки повилики шевелились на ветру. Пахучая зелень, обвив тонкую гипсовую шею, зелёными косами сбегала по груди и спине. Статуя казалась живой, хотя ветер и дождь до неузнаваемости сгладили черты детского лица.

Отец подошёл, оборвал хрустящие зелёные плети, парашютиками летели душистые цветы.

— Верочка... — задумчиво произнёс он.

Давным-давно, когда отец был школьником, Верочка сгорела во время новогоднего праздника — огонь от свечки упал на марлевый наряд. Девочка вспыхнула живым факелом. На неё набросили брезент, но, когда подняли его, обнаружили чёрное дымящееся тельце. Отец помнит, как плакал тогда со всеми ребятами. Он никогда не забудет выражения лица Верочки в тот момент, когда её охватил огонь:

— Она в этот момент словно бы взлетела в воздух... На лице её возникло какое-то счастье... Она словно бы не чувствовала боли, потому что видела свою судьбу и смерть. И поняла: вот оно!..

— Зачем ты привёл меня сюда? — воскликнул Юрик, чувствуя, как на глазах его выступают слёзы. — Такой день сегодня — воскресенье, ты

совсем трезвый!.. Это счастье, когда ты трезвый, когда ты со мной... Так было хорошо, так весело, а ты мне про эту несчастную Верочку!..

— Ну прости, я думал, тебе будет интересно, — вздохнул отец. Взгляд его вновь потускнел, голова поникла. Волосы у него после купания высухали вихрами, как у мальчишки. — Вся школа гордилась этой Верочкой... — Он смотрел в глубь кладбища, где под вековыми деревьями стояла сплошная чернота. — Такая красивенькая, хорошая, отличница по всем предметам... А директора школы сняли за нарушение правил противопожарной безопасности.

Слова его гасли в кладбищенском воздухе, словно говорила и дышала сама трава. Сладко пахли дикие цветы. В кустах раздавалось птичье пение, в пруду всё ещё плескались и хохотали мужики, слышался отдалённый девичий визг.

Юрик вспомнил, что отец всегда боялся открытого огня. Однажды в пургу, когда выключили электричество, мать зажгла свечу. А когда свеча, подтаяв, упала, отец испуганно вскрикнул и вскочил с дивана, чтобы затоптать пламя. Никогда — ни до этого, ни после, Юрик не слышал, чтобы он так ужасно кричал...

— Жизнь только с виду проста и скучна, — произнес задумчиво отец. — Она, жизнь, идёт своим невидимым путём... Трава, деревья, кладбище — и ничего другого уже не будет... Но что-то вокруг постоянно происходит. Я вот сейчас совсем другой, даже выпить не хочется, потому что думаю... Не знаю, как высказать это мое состояние...

Взмахнул безнадежно рукой, зашагал через бурьян по едва заметной тропинке, к одежде его цеплялись сухие прошлогодние репы.

Колодец

Юрик тоже наловил репьев, или, как говорили в народе, «невест». Репьи были старые, колючие, въедливые, они с треском отдирались от рубашки и штанов вместе с ворсинками ткани. Ладони, как ни прятал их Юрик в карманы, влажные от плавок, горели от крапивы, которая была повсюду и на каждом шагу норовила укусить. Откуда ни возьмись появился колодец — среди кустов и бурьяна обозначился замшелый деревянный сруб. К журавлю на ржавой толстой проволоке под-

вешено оцинкованное ведро. Деревня брошенная, а колодец жив! Дорожка, ведущая с холма к колодцу, чуть заметно притоптана.

Вода в колодце чистая, но холодная — ломит зубы. Горло от такой горит ледяным огнём.

На лугу вжикали о металл бруски — мужики острили косы. Отец долго пил, вытер губы ладонью.

— Пойдем трудиться дальше! — произнес он с задумчивой улыбкой.

И они работали ещё минут сорок. Федулычу косить не разрешили. Он хватался то за косу, то за грабли, но его брали под руки, усаживали в тень, на расстеленный пиджак. Бухгалтер обмотал голову полотенцем, намоченным в колодезной воде, и стал похожим на толстого эмира из восточной сказки. Толстяк сидел и командовал: «Косите там!», «Переходите под бугор!», «Эй, вы, с граблями, опять заснули?..»

Трава со всех сторон: не перекопать и за год.

Старый рабочий Чвыков сорвал голый коричневой ладонью верхушку молодой крапивы, задумчиво смотрел на неё:

— В молодости я этой крапивушки накушался. Мать из неё щи варила, от голода нас, ребяташек, спасала...

Вернулся на тракторе Коля Коптилкин, отвозивший сено в посёлок, знакомой тётке. Опять, небось, за самогон... Федулыч подозрительно косился на него, не без основания подозревая, что Коптилкин у тётки в гостях выпил. Мужики смеялись: на то он и Коптилкин!..

— Прекратить вредные разговорчики! — воскликнул бухгалтер болезненным голосом. — Мы тут дышим целебным воздухом, а они про выпивку балакают. Проживите хотя бы один день чистой природной жизнью!

Тюхин сломал уже вторую косу — такая у него силаща. Чвыков пристраивал для его инструмента новое окосье, ворчал себе под нос. Запасливый старик захватил в сумке немудрёный инструмент: маленький топорик, ножовку, гвозди, металлические хомуты — будто знал, что мужики обязательно будут ломать косы. Древним, стёршимся посредине бруском он ловко наточил Юрикову и наладил косы тем мужикам, кому нужно было. Затем, поплевав на ладони, снова подошёл к делянке, взял косу, неспешно размахнулся, сделал плавный полукруг. Трава с ти-

хим свистом упала на землю, образуя изумрудного оттенка валок. Работает спокойно, неспешно замахаясь. За ним остаётся ровная полоса среза — будто ножницами землю выстригли. Разбегаются по ромашковым и клеверным пенькам бледные, отвыкшие от солнца паучки. Однако всех обогнал, даже Юрикова отца, хотя тот косит яростно, забыв обо всём на свете.

Прокосили дорогу к уже знакомому колодцу, из которого Юрик с отцом недавно пили воду. Чвыков тоже пил прямо из ведра, чуть наклонив его, чтобы не обливать рубашку, и без того потемневшую от пота, собравшуюся в тёмные складки.

Юрик тоже снова пил воду. На этот раз она показалась ему ещё холоднее, будто кусок льда провалился в желудок. Сердце забилось быстрее, голова мальчика закружилась, его качнуло странным водяным хмелем.

— Много не пей, простудишься! — донёсся голос отца.

Девчата окликнули Юрика, попросили принести воды. Показали издали порожнюю пластиковую бутылку. Подросток с радостью выполнил просьбу: быстро налил в неё воды, подал Свете.

Ему почему-то было стыдно смотреть, как девушки по очереди пьют из банок, хотя и сам не понимал, чего же тут зазорного. Он жадно вслушивался в их усталое дыхание, в котором дуэтом звучала странная женская задумчивость. «Даже спасибо забыли сказать...» — подумал Юрик с грустью. Наконец взглянул на Свету. Таких красивых девушек даже в рекламе по телевизору не каждый день показывают!

— Спасибо, мальчик! — сказала она и как-то по-хорошему посмотрела на Юрика.

От такого её взгляда он застыл на месте. Сил хватило на то, чтобы дёргано кивнуть: пожалуйста!

Резко повернулся на месте, кинулся бежать, споткнулся о кочку. Поднялся с колючей стерни, посмотрел на ладони — ранок с капельками крови не было — лишь вмятины. Никто не смеялся, хотя многие видели, что он упал от волнения перед девушками. Здесь не школа. В школе любое падение вызывает громкий дружный смех. Юрик перевёл дух. Заливисто, колокольчиком стучало сердце, пришлось успокаивать

его ладонью. Ему сделалось вдруг так хорошо, что он тихонько взвизгнул от радости. Он скоро вырастет, и его полюбит настоящая красивая девушка — такая, как Света!

Остановился возле Тюхина, чтобы посмотреть, как работает этот великан. Коса трещала у него в руках, трава летала клочьями по воздуху, орошая его капельками сока. И запах стоял травяной, приторный. Казалось, здесь работает не человек, а машина. Юрик всегда благоговел перед сильными людьми. Сила у прораба бычья. Он вновь решил сразиться с матёрыми высокими лопухами, у которых стебель крепче дерева, а это означает, что сейчас прораб ломает четвёртую косу, а безропотный мастер Чвыков будет вновь восстанавливать окосье. Лопухи от ударов косой вздрагивали, как деревья, с хрустом валились набок. С широких листьев взлетала облачками белесая пыль.

— Ерундой занимаемся! — ворчал Тюхин. — Мы — строители! Наше дело — возводить объект... За нынешний день могли бы спортзал сделать для сельской школы...

«Или гараж для частника...» — подумал Юрик. Он знал, что сельские каменщики даже в основное время часто работают по шабашке...

Тюхин полагал, что воскресная травяная работа идет впустую. Хотя травы скосили много и Коптилкин отвёз уже вторую тележку, скошенная масса валяется в брошенной деревне без пользы. Так и будет лежать, пока не высохнет и не развеется ветром...

Но мужики всё равно косили и даже будто соревновались — кто быстрее пройдёт делянку. Юрик думал о том, что труд, даже не очень нужный, воодушевляет людей и таинственным образом волнует их, возникает желание отличиться. Отец часто махал косой, пытаясь догнать с виду неспешного Чвыкова. Отец вспотел, рубашка на груди и плечах потемнела, взмокла от пота, лицо блестело, словно облитое соляжкой. Из-под кепки, залихватски сдвинутой козырьком назад, струился чуть заметный парок.

Желая дать отцу передышку, Юрик нарочно подошёл к нему, спросил, сколько лет было Верочке, когда она сгорела на бале-маскараде, и куда делись из этой деревни её отец, мать и все остальные жители.

Отец остановился, перевёл дух, припоминаю-

ще почесал запотевший лоб. Ответил, что не помнит, а сам ревниво смотрел вперед, на Чвыкова, размеренно и без усталости машущего косой.

— Вот корявый чёрт!.. — восхищённо бормотал отец, глядя на пожилого рабочего. — Косит, как играет... Но я его всё равно обгону!

Незаменимый Чвыков

Казалось, тощая фигурка пожилого человека предназначена именно для косьбы, хотя Чвыков всю жизнь работал строителем, всегда был отличным каменщиком, строил разные Магнитки и заводы, у него даже орден за труд имеется. Недаром отец считает его своим учителем!

Юрик несколько раз бывал на стройке, наблюдал, как Чвыков уверенно берёт каждый увесистый кирпич, затем неспешно кладёт его на слой влажного цементного раствора. Морщинистая рука плавно, почти невесомо повторяла этот несложный с виду приём, намертво укладывая кирпич за кирпичом в растущую на глазах стену... Иногда прораб заставлял пожилого строителя перемешивать цементный раствор в заляпанном деревянном корыте с выщербленными краями. Работа для неквалифицированного каменщика, но Чвыков не гордый, он всё умеет делать хорошо — шевельнёт черенком лопаты тягучее, будто каша, месиво с цементными сухими крошками, плеснёт ведра два воды, подсыплет жёлтого песка и начинает аккуратно перемешивать массу — слышно, как скрежещет лезвие лопаты по гулкому, утробно отзывающемуся металлическому дну, и сразу видно: перед тобой лучший рабочий на свете.

Отец, заметив, что Юрик глядит вслед пожилому рабочему, ревниво кашлянул, поплевал сухими, скривившимися от азарта губами на ладони, схватился за черенок косы, натёртый ладонями до блеска.

Старые Хутора... Кладбищенские кресты на бугре, ржавые мачты телевизионных антенн. Среди могил возвышался белый Верочкин памятник, наполовину скрывшийся в бурьяне. Казалось, девочка шагает по снеговым облакам, укутанная в зелёную шубу.

Отец приподнял фуражку, взмахнул ею в горячем воздухе — дохнули едва заметным паром спутанные, слипшиеся в косицы мокрые волосы.

Смысл табуретки

Оглядывая просторный деревенский луг, Юрик удивлялся: почему мужики с таким азартом косят никому не нужный бурьян? Ведь их никто не заставляет работать. Даже колхозный начальник не приехал посмотреть, как тут идут дела. Работа адская, почти дармовая. Федулыч, поддавшись общему азарту, сбросив с головы мокрое полотенце, схватил грабли, пытается помогать девушкам. Что такое труд вообще? Почему люди хотят работать?..

Минувшей зимой в школьной столярке ребята из Юрикова класса учились делать табуретки. На первый урок в мастерскую он мчался во всю прыть, первым ворвался в цех, выбрал лучший, на первый взгляд, верстак, едва не сбил с ног высокого тощего мастера Ивана Елизарыча, толкнув его нечаянно головой в живот. И сам очутился на полу, пахнущем свежими стружками, — оказывается, кто-то из ребят дал Юрику подножку, чтобы не совался вперёд всех. Верстак достался хороший, инструменты тоже неплохие. Рубанок мастер дополнительно наточил, и шерхебель тоже, и долото с прочной рукояткой выдал.

Юрик торопливо принялся за дело. Иван Елизарыч, придерживая сползающие очки, внимательно глядел на старательного мальчика: экий торопыжка!..

Над своей табуреткой Юрик трудился старательно, забыв обо всём на свете. Другие пацаны в снежки успели поиграть и в школьный буфет за жвачками сбегали, а он все пилил, строгал, долбил. Увы! Табуретка у Юрика никак не хотела получаться, а у всех ребят вышли красивые, белые, душистые, словно грибы, выросшие из земли. Даже мастер Иван Елизарыч, всякий раз поправляя очки, любовался очередной табуреткой, постукивал пальцами по гладкому сиденью с жёлтым древесным узором.

Юрикова же табуретка никак не хотела собираться, хотя он тщательно отделявал каждую ножку, перекладыны, до миллиметра подгонял пазы... «Ты держи свою табуретку целиком в голове!» — советовал мастер. Но детали не хотели соединяться, пазы оказывались почему-то велики, ножки табуретки качались, и даже сам Юрик боялся сесть на свое изделие. Вокруг толпились ребята, давали советы, помогали подтачивать и

подгонять детали. Даже прежние Юриковы обидчики старались всюю — лишь бы удалось сколотить гвоздями эту несчастную раскоряченную табуретку... Сколотили, обменялись подзатыльниками: «Клёво, Юрик! Неси мастеру, показывай!..»

Иван Елизарыч в очередной раз взглянул на коллективное теперь уже изделие, огорчённо вздохнул. Теперь табуретка даже сама по себе, без груза, не хотела стоять на полу, покачивалась, а когда Юрик попытался сесть на неё, развалилась, жалобно звякнув деревяшками. Иван Елизарыч тем не менее поставил Юрику за табуретку оценку «хорошо» — за упорство, всем остальным ученикам — пятерки.

Ребята выводили Юрика из мастерской чуть ли не под руки, как больного. «Не огорчайся, Юрик! В следующий раз мы поможем тебе сделать а-атличную табуретку! Можем кресло смастерить, если Иван Елизарыч позволит, даже царский деревянный трон!..»

В тени развесистой берёзы

Юрик всё ещё размышлял о табуретке, как вдруг его окликнул отец: «Пойдём, сынок, обедать!»

Косари, собравшись на поляне в кружок, переводили дух. Тракторист Коптилкин щёлкнул пальцем по горлу: сейчас, мол, ребята, выпьем. Юриков отец машинально потирал ладони, подражая Шурику из кинофильма «Кавказская пленница».

Девушки расстилали на траве газеты, ветер шевелил их, но Тюхин не дал им улететь, прижав листы к траве увесистыми ломтями хлеба. Столовый нож в его огромных ладонях казался игрушечным. Хлебные крошки с лёгким стуком падали на бумагу.

Отец бросил на траву пиджак, велел Юрику присаживаться к «столу», сам рядом пристроился, отломил хлебную корку, машинально понюхал её.

Федулыч мужикам выпивать запретил: в первых, работы осталось ещё много, во вторых, нельзя пить водку при детях — такое якобы постановление вышло.

— Какое ещё постановление? — удивился Тюхин, мельком взглянув на Юрика. — Что-то мы о таком не слышали...

— Хотя раз в жизни обойдитесь без самогонки! — вскричал тонким голосом Федулыч. — Совесть у вас есть или нету? Мы дитё с собой взяли, нельзя при нём пить всякую гадость!

Обед намечался трезвый, мужики крепко загрустили. Прораб, закончив нарезать хлеб, неопределенно кашлянул. Нина и Света продолжали выкладывать из пакетов еду. Отец взял ломтик огурца, разглядывал его, словно деталь часового механизма.

— Попей молока, па! — Юрик протянул отцу бутылку с молоком. — Мать приготовила...

Отец взял бутылку, отставил её на расстояние вытянутой руки. Желая доказать, что он может пить и молоко, резким движением опрокинул бутылку вверх дном и, отчаянно морщась, принялся судорожно дёргать кадыком. Отпил больше половины, удивился, покачал головой: ай да я! Закусил молоко хрустящим огуречным ломтиком, в котором, как живые, светились продолговатые семечки. По отцовской руке скользнула капелька огуречного сока, упала на пыльную брючину, оставив тёмное пятнышко.

Федулыч жевал бутерброд с маслом, запивая чаем из термоса, вздохнул, достал другой — с колбасой.

Тюхин схватил варёное яйцо, воскликнул: «Эх!» — и разбил скорлупу о башмак.

Юрик медленно откусывал от варёной картофелины, посыпанной солью, запивал молоком. Он стеснялся есть при Свете и Нине, которые уплетали всё подряд, не обращая внимания на мужскую компанию, перешёптывались, громко смеялись.

Постепенно разряжалось молчание, уходила скованность. Даже те рабочие, которые вроде отца не могли без предварительной стопки съесть даже ломтик помидора, вдруг ощутили голод, который всегда приходит после работы. Возникали разговоры, становящиеся всё громче, подходя к черте естественной, не нуждающейся во взбадриваниях, весёлости, к смутно ощущаемой радости — мы сейчас вместе, мы хорошо поработали, нам весело.

Коптилкин поднял с травы сумку, звякнувшую стеклянной посудой, решил отнести водку в кусты и там потихоньку выпить, чтобы Федулыч не видел, но Тюхин, заметив его движение, остановил молодого тракториста: уго-

монись, вот вернёмся в посёлок, тогда уж!..

Отец неспешно жевал зачерствелый на жаре хлеб, с лица его постепенно уходила всегдашняя хмурость.

На пруду, кусочек которого блестел меж лозинами, весело попискивали, резвились утята. Утка-мама, переживая за шалунов, тревожно крикала. Она словно бы предупреждала детей: незнакомые люди ещё не ушли!

Света и Нина, наклонившись друг к дружке, снова засмеялись. Возле них устроился Коптилкин и тоже что-то им нашёптывал, кивая в сторону Федулыча. Бухгалтер, повернув голову, грозил Коптилкину пухлым бледным пальцем.

Юрик наелся. Наваливалась послеобеденная дремота. Свежий воздух, наполненный запахами цветов, клонил ко сну.

Света зевнула, прикрывая красивый рот ладошкой. Нина, глядя на неё, тоже зевнула, отвернувшись в сторону. Юрик вспомнил, как Света утром пальцами прикоснулась к его лицу, закрыл глаза, чтобы вновь пережить это чудесное прикосновение...

На газете остался последний недоеденный помидор — красный, с глянцевым боком, освещённый солнцем, полупрозрачный, похожий на жаркий уголь, выкатившийся из топки. Федулыч всем по очереди его навязывал, требовал, чтобы доели.

— Может, ты скушаешь, Юрок?..

Помидоры Федулыч выращивал в самодельной теплице и очень гордился своей продукцией. И такой умоляющий был у него взгляд, так он просительно понизил голос, что мальчик сжался над ним — взял помидор, успевший нагреться на солнце. Под сочувственными взглядами рабочих, сопровождаемыми благодушными кивками бухгалтера, Юрик с трудом доел помидор. Ему и дома помидоры надоели. В животе сразу сделалось тяжело, подросток не знал, как он будет дальше помогать рабочим — после сытного обеда хотелось лежать на отцовском пиджаке, дремать до самого вечера. Вот и Света как-то странно на него взглянула. Закашлялась, словно бы понарошку, прижимая поверх выреза зелёного в цветочек сарафана белую в свежих алых царапинах ладонь.

Тюхин окликнул мальчика, басовитый голос раздался как из тумана:

— Юрик! Стукни её как следует, а то подавится девка. Кто нам тогда ведомость составит?

Света выжидательно смотрела на Юрика ярко-карими глазами, он от страха даже пошевелиться не смел, не говоря уже о том, чтобы колотить её по спине. А Коптилкин уже стучал по спине залихватски, чуть ли не со всей силы. Света давно уже прокашлялась, раздышалась, а Коптилкин, войдя в ритм ударов, продолжал — девичья округлая спина гудела барабаном.

Обернувшись, Света ловко шлёпнула Коптилкина по макушке — слетела кепка в мазутных пятнах. А он, чудак, обниматься лезет. Треснула ещё раз, чтоб знал. Уверенное движение хорошенькой, всем нравящейся девушки, белизна зубов на фоне окружающей зелени... Такая она, Света!..

Тюхин привстал, оглядывая долгим начальственным взглядом Старые Хутора. Шевелились под ветром ветки берёз, гудели дикие брошенные огороды. Пахло высохшим самосевным укропом. Визгливо пищали на чердаках крысы, ухал потревоженный филин. Вороны садились на телевизионные антенны, смотрели на людей, каркали ворчливыми пренебрежительными голосами. Стучал по железной трубе телевизионный кабель: «Тук-так-тик!» — будто часовой механизм отсчитывал последние минуты обеда.

Вокруг были сплошные волны зелени, соединяющей в одно целое брошенные дома со всем остальным загадочным миром.

Часть третья. ПОДАРОК

Толстый начальник, голова которого торчала над трибуной, словно жёлтая тыква, пыхтя и запинаясь, торопливо читал доклад о работе строителей за минувший год, вздыхал, вытирал лоб платком при упоминании о незавершённых объектах.

Юрик сидел рядом с отцом во втором ряду, поглядывал по сторонам. Сельский клуб переполнен. Праздник — День строителя! Отец сидит рядом, хмурится — целый месяц ни капли в рот! А мать сегодня с ними не пошла, хотя отец долго уговаривал её. Обычно сговорчивая, а тут ни в какую!

Шли вдвоём с отцом через райцентр, и тот как-то затравленно озирался по сторонам. Потом

вдруг вспомнил, что у матери завтра день рождения — сорок лет! Решили зайти в магазин, купить какой-нибудь подарочек. Юрик удивился, что отец вспомнил о матери. Потолкавшись возле прилавка, купили недорогой парфюмерный набор в гладкой пластмассовой коробочке с откидной крышечкой. Юрик на ходу несколько раз щёлкнул. Отец сказал: «Не надо, ломаешь...»

Нынешний праздник районные строители решили отметить торжественно, несмотря на то что у них тоже кризис, как и во всей стране, — работы мало, зарплату задерживают. Никто не понимает, почему так получилось. У строителей руки золотые, они могут все что угодно построить. «Рыночные отношения» — и все тут.

Некому платить за работу, нет денег, нет стройматериалов, а беженцам, которые прибывают в район из южных республик, негде жить... Об этом начальник и говорил в своём докладе, называл непонятные цифры.

Для Юрика же самое главное то, что вот уже целый месяц после поездки в Петербург отец трезвый. Если бы так продолжалось всегда!

Сын слушает доклад, держит в ладонях нагретую пластмассовую коробочку с парфюмерным набором.

Толстый начальник с облегчением дочитывает последнюю страничку и под скромные аплодисменты покидает трибуну. В руке у него пачка конвертов с премиями. Он выкликает фамилии передовых рабочих и бригадиров, вызывает их на сцену, жмёт руки, вручает конверты... Отец напрягся, почувствовал, что сейчас его тоже пригласят, кашлянул в кулак и начал усиленно смотреть в пол, прислушиваясь к происходящему.

И вот начальник звонко выкликнул его фамилию. Отца будто электрическим током ударило — он дёрнулся, вскочил и, будто во сне, побрёл на сцену, сопровождаемый аплодисментами, чуть замешкался на ступеньках, покрытых стёртым ковриком.

Передовой бригадир каменщиков!.. Юрик нагнулся, поднял с пола шляпу, которую отец уронил с колен, поправил её, стряхнул пыль. А когда выпрямился, то увидел, что отец уже стоит на сцене в странной позе: чуть сгорбившись и растопырив руки, похожий на невысокого медведя. Начальник, улыбаясь, подманивал его пухлой ладонью — иди ближе! В другой он держал приго-

товленный конверт с деньгами. Но отец словно бы не видел ни начальника, ни конверта и смущённо озирался по сторонам, поправляя старый, похожий на селёдку галстук. Приглаживал на ходу короткий, выгоревший за лето чубчик волос.

Сцена гулко отзывалась на каждый шаг. Даже и такой — ошеломлённый, криво и натужно улыбающийся отец выглядит в глазах Юрика сильно, приземисто, внушительно. Бригадир! Как только бросает пить, сразу назначают в бригады. Начальник потряс руку отца, пробормотал поздравительные слова и громко объявил всему залу, что на сцене — лучший каменщик района, победитель смотра-конкурса!

Похвала всегда действовала на отца оглушающе — скулы его будто окаменели, вздулись желваками, он опять кашлянул в кулак, торопясь покинуть сцену. В прищуренных глазах его полыхала гордость, в тёмных подглазьях светилось нечто затаённое, лишь частично объясняющее смысл труда. Серые виски блестели в свете клубных прожекторов, словно отражали внутреннюю силу человека.

Отец возвращался в зал, нащупывая подошвами ступеньки, будто слепой, и глупо улыбался. Конверт, в котором похрустывала премия, он машинально прятал за спину. Вот подошёл, плюхнулся рядом с Юриком, перевёл взволнованное дыхание — слава богу, кончилось поздравление!

На сцене закрылся занавес, началась подготовка к концерту. Слышно было, как невидимые клубные работники с грохотом утаскивают столы и стулья. В щель занавеса было видно, как длинную зелёную скатерть свёртывают и уносят вместе с графином до следующего торжественного мероприятия.

«Она с нами не пошла...»

Сегодня должен был выступать самодеятельный хор из соседнего городка. Занавес распахнулся, и на сцену один за другим стали выходить артисты — люди уже немолодые. Было понятно, что все они ненастоящие артисты, но на лицах у всех было соответствующее праздничное настроение. У мужчин были заметны морщины и прыщики, щёки и лбы женщин зеркально отсвечивали кремом,

отражая свет люстры, висящей под высоким потолком.

Эта люстра была знаменита тем, что сохранилась с дореволюционных времен, когда клуб именовался церковью. Здание несколько раз перedelывалось и перестраивалось, а люстра осталась всё та же — из потемневшей бронзы, с затейливыми узорными завитушками, с обыкновенными, наполовину перегоревшими электрическими лампочками, пристроенными вместо прежних подсвечников.

Юрик, задрал голову, смотрит на побеленный потолок, отражающий малейший шорох на сцене. Он, сдавший физику на твердую четвёрку, знает, что резонанс в зале хороший, певцам не нужны микрофоны.

— Жаль, что мать не пошла сегодня с нами... — отец повернулся к сыну, в ладонях хрустнул конверт. — Мы должны были прийти сюда всей семьёй... Она этого не понимает, не захотела понять!

Серые поблекшие глаза его обиженно сверкнули. Юрик видел и слышал, как отец настойчиво приглашал, чуть ли не умолял её пойти вместе с ними на торжественное собрание строителей. Она не ответила ни «да», ни «нет», лишь почему-то тихо заплакала, отвернувшись к старой этажерке, сделанной отцом собственноручно, лак местами облез — подарок на первую годовщину свадьбы... Полки этажерки застелены вышитыми салфетками, на них лежат пожелтевшие книги по домоводству.

С виду мать незаметная, почти совсем не красивая, а вот сегодня проявилась в ней неожиданная гордость.

— Идите вдвоём... — сказала она и как-то странно улыбнулась.

Отец обиженно хмыкнул, сердито передёрнул плечами. В глазах его мелькнули дикие огоньки...

— Ну, ладно! — сказал, почти крикнул он. — Пойдём вдвоём... Собирайся, сынок!

...Хор был большой — Юрик такой по телевизору видел. Артисты на сцене не уместились, треть певцов сошла со сцены, и образовался ещё один ряд лицом к лицу со зрителями. Такого зрелища поселковый клуб ещё не видывал.

Исполнялась серьёзная музыка. Услышав Юрик такие мелодии по телевизору или радио, он бы сразу их выключил. А тут волей-неволей

стал слушать, и музыка начинала ему постепенно нравиться. Да что Юрик — весь зал внимательно слушал протяжные и строгие голоса певцов.

Артисты пели без всякого музыкального сопровождения. Это тоже было непривычно. Зато Юрику под эти мелодии хорошо вообразилось, как они с отцом возвращаются домой с праздника и вручают матери набор. Потом всей семьёй пьют чай.

Одна певица, самая молодая во всём хоре, очутилась совсем близко, почти напротив подростка, и он, забыв думать про подарок, смотрел только на неё. И удивлялся: вот она поет перед всеми зрителями, на всех смотрит, но никого в отдельности не замечает. И не всегда различишь — то ли поёт, то ли просто дышит. Песня взлетела в просторный воздух зала, поднималась к потолку, возвышая простой смысл слов.

Отец тоже смотрел на молодую женщину долгим взглядом. Голова его втянулась в плечи, лицо странно сморщилось. Он был похож на маленького ученика, который провинился перед учительницей.

С первого взгляда было понятно, что эта женщина любит петь и выступать перед зрителями. Привычка к разъездным концертам запечатлелась на её лице, а там неизвестно, кем она была в своем городе — может, лаборанткой, а может, кассиршей.

Хор был самодельный, но знаменитый, он даже за границей выступал — об этом было написано в афише, приглашавшей всех желающих посетить концерт в честь Дня строителя.

Выходил на сцену ведущий концерта — лысый дядька и неестественно звонким голосом объявлял новую песню: то Бах, то Моцарт, то ещё кто-нибудь непонятный. Люди, сидевшие в зале, вежливо аплодировали, словно они хорошо разбирались в классической музыке и очень рады в очередной раз послушать какого-нибудь Дебюсси.

Молодая женщина, казалось, не просто поёт, но излучает мелодию всем своим симпатичным лицом. Глаза её то и дело вспыхивали весёлыми огоньками. Фигура в длинном розовом платье казалась неподвижной, зато лицо постоянно меняло оттенки лирического выражения, она словно бы стремилась улететь вслед за песней.

Трудно было с первого взгляда понять, чего больше в шевелении подкрашенных губ — неспешного серьёзного пения или её неожиданно возникающей и гаснущей улыбки. Юрику она и понравилась этим своим откровенно весёлым взглядом.

Отец поглядывал на неё исподлобья — так он всегда смотрел, если это было необходимо, на незнакомых женщин. Когда глаза его встретились с глазами певицы, он мгновенно покраснел и опускал голову, теребя новую, без единого пятнышка, шляпу. Наклонился к Юрику, спросил:

— Вон та, молодая, с бантом... Как, на твой взгляд, — красавица она или так себе, притворяется? — его бледное серое лицо играло красными пятнами.

— Красавица-то она красавица, да только не очень... — ответил Юрик сдержанно. — Я бы её так не назвал.

Отец вздохнул, заморгал белесыми ресницами, вслушиваясь в тягучее, будто шелест ветра, начало песни. Крупные, чуть подрагивающие пальцы его машинально сминали хрусткий конверт с премией. И опять шептал Юрику на ухо сухими напряжёнными губами:

— Меня сегодня для газеты фотографировали! То-то мать удивится, когда увидит...

Юрик кивнул. До сих пор портрет отца ни разу не был напечатан в районной газете. Зато в разгар борьбы за трезвость фамилия его чуть ли не каждую неделю появлялась в списке под названием «Они позорят наш район».

Теперь другие времена. За трезвость никто уже не борется, поэтому отец сам, по своей воле, решил бросить пить. Теперь он смотрел на певицу так, будто вовсе не видел её, поглощённый собственными размышлениями. Возраст этой женщины был, что называется, на грани. Она ещё нравится мужчинам и знает это. Благодаря песне, улетающей к бывшему церковному потолку, она чувствует себя молоденькой девушкой, в которую все влюблены.

— Наша мать всё равно лучше! — теперь уже Юрик внимательно смотрел на отца, объявляя ему свое открытие.

Отец ничего не ответил, лишь глубоко вздохнул.

Какая она?

Юрик стал дальше думать о матери. Лица певцов пятнами расплывались у него перед глазами. Ладонь опять нащупала в кармане гладкую пластмассовую коробочку. Он не то чтобы стеснялся материнской некрасоты — просто у него у самого такой возраст, когда начинаешь приглядываться и к девушкам, и к молодым женщинам, отмечая на ходу быстрым подростковым взглядом: «Ах, какая!.. И эта!.. И вон та!.. И другая тоже хорошая... А вон та — ах, какая!..» Бесконечная вереница таких удивлений сопровождала его каждый день в одном только посёлке. А если очутиться в большом городе? Как успеть взглянуть на них всех хотя бы краешком глаза?

А ведь ещё совсем недавно Юрику казалось, что лучше его матери нет на свете ни одной женщины. Однако последнее время он, сам не зная почему, стал стесняться ходить с ней в магазин и на рынок. И, когда на огороде картошку тяпали, держался от неё в стороне, хотя, как и прежде, рассказывал ей о забавных происшествиях в школе. Иногда они разговаривали об отце... И она сама уже стесняется лишний раз погладить его по круглой, коротко стриженной голове с пионерским квадратным чубчиком, который отец в шутку называет «рэкетирским».

Отец не пьёт, и мать стала чаще улыбаться, хотя улыбка у неё совсем другая, не такая, как у этой певицы. Мать порой напевает вполголоса на кухне, когда по радио передают песни прошлых лет, а Юрик прислушивается — ее голос кажется ему странным и в то же время привлекательным...

Отец трезвый, и от чистых стен дома, от блестящих крашенных досок пола, устеленных чистыми, с белизной, ковровыми дорожками, излучается тихая радость. И новый электронный будильник, купленный взамен старого, разбитого отцом по пьянке, тоже словно бы улыбается всем своим круглым глазастым циферблатом. Круг за кругом прыгает умная секундная стрелка.

Мать за последнее время ожила, и в уголках её рта всё чаще играют не морщинки, но лучи удивительного света, а лицо приобретает выражение отчётливое и нежное, будто из тьмы возникает совсем незнакомая женщина. Она погружа-

ется в эту новую свою задумчивость, в смутную улыбку и как-то по-особенному наклоняет голову, когда чистит картошку или чинит одежду, ловко перекусывая нитку зубами. При этом она думает о чём-то таком, чего Юрику никогда не понять. В такие редкие минуты он мысленно шепчет: «Улыбнись ещё! Улыбнись!..»

Юрик неспроста выбрал ей в подарок парфюмерный набор. Мать возьмёт его, удивится, вздохнёт, затем сядет к зеркалу, подкрасит лицо тушью, помадой и сразу помолодеет. А если ещё завьёт вдобавок на бигуди коротко стриженные волосы, то станет похожей на эту девушку, которая сейчас так самозабвенно поёт.

Отец говорит, что от глубокой тоски его спасает работа. «Выпить иногда так манится, что даже выть хочется», — признался он однажды Юрику. Потому и вкалывает за троих, чтобы утомить себя и ни о чём постороннем не думать. Ночью во сне постанывает — снится вино. Болезнь свою называет ОРЗ — «очень резко завязал».

Перестал прятать от матери получку и «левые» заработки. А прежде постоянно хоронил. Да так, что и сам забывал куда. На прошлой неделе мать начала протирать мебель влажной тряпкой и смахнула с шифоньера давнюю отцовскую «зачку», про которую тот и сам забыл. Из выемки в доске вылетел ворох устаревших бумажных денег — потускневших и сильно обесценившихся за минувший год. Деньги кружились в воздухе, словно разноцветные бабочки, с шуршанием устилали пол. Отец в тот субботний день сидел за столом и обедал. Замер, глядя на летящие деньги, приоткрыл рот. Ложка с супом подрагивала в неуклюжих пальцах. Мать с невозмутимым видом продолжала уборку. Одна купюра, тысячная, кажется, из тех «старых» тысяч, которые теперь уже не принимают в магазине, винтятся в воздухе, пролетев половину комнаты, легла отцу на плечо, словно генеральский погон. Выкрутив с натугой мощную красную шею, отец глядел на тысячерублёвку ненавидящим взглядом, словно жаба вспрыгнула ему на плечо, и судил ее выдохом нервно искривлённых губ.

...Мелодия, возносимая хором к потолку бывшей церкви, будто улетела во тьму старых времён, увлекая певицу вслед за собой, словно летний ветер нёс мотылька над цветущими полями. Все песни знакомые, выпетые до протяжной

последней ноты, отшлифованные за десятилетия существования хора, всякий раз открывают новую даль. Лица зрителей одинаковы, как листья на дереве, но в изменении узора листвы приоткрывается тайна жизни. Песня — вечнозелёный подрастающий лес, стремящийся к небу.

«Лишь бы отец, наслушавшись песен, не вздумал выпить!..» — думал Юрик, видя, как тот оцепенело, с величайшей серьёзностью вслушивается в мелодию, в неразборчивые слова.

Мимо рядов, пригнувшись, шли несколько каменщиков из бригады отца. При первом взгляде на них Юрику стало ясно, что они уже выпили и хотят добавить. Шагали осторожно, чуть ли не на цыпочках, низко согнув спины, словно во время киносеанса. У одного рабочего в кулаке дымящаяся папироса. Зрители шикали на него, а он лишь отмахивался, глупо улыбался, успокаивающе поднимал свободную ладонь: сейчас, мол, уйду.

Отец, почти не взглянув на каменщиков, отдал им нераспечатанный конверт, махнул рукой, чтобы скорее уходили. Курильщик сказал хриплым голосом, что долю отца вернут после концерта. Поющая девушка, взглянув на них, перестала улыбаться и, кажется, сбилась с лирического настроя. Рабочие двинулись обратно к выходу, слегка подталкивая друг друга в спину, отпуская вполголоса шуточные замечания. Отец повернул голову и смотрел им вслед со странным выражением лица: вроде бы гневается и в то же время с улыбкой. И ещё как бы с сожалением. Он облизал пересохшие губы, закрыл на миг глаза.

Концовка песни — протяжная, замирающая, звучала в полной тишине, словно угасал ночной костёр на опушке леса. Объявили последнюю песню, и хористы, тихо покашляв, сосредоточились, привычно глядя на дирижёра.

Юрик поражался — до чего точно ложились слова на музыку, которой вроде бы и не было, и в то же время мелодия незримо и мощно существовала рядом и везде. Временами она разливалась так вольно и широко, что Юрику становилось трудно дышать, а древние церковные стены вокруг словно бы вспучивались. Ему нравилось всё: и чёрные длиннопольные пиджаки мужчин, их забавные галстуки-бабочки, словно бы взятые напрокат из старого

фильма, и бело-розовые воздушные платья женщин, их переливающиеся на свету брошки и бусы, высокие аккуратные причёски.

Певица по-прежнему смотрела в зал своими молодыми, с искрами задумчивости глазами. Вместе с мелодией подрагивала, менялась глубина её зрачков, в которых мерцали угасающие огоньки.

Давний разговор о любви

— Почему она не пошла вместе с нами? — снова воскликнул шёпотом отец. — Почему?..

Юрик тоже не знает. Мать сидит, наверное, одна-одинёшенька и тихо плачет. Такое с ней иногда случается. Немного поплавав, она тотчас спохватывается, торопливо вытирает глаза, чтобы никто не заметил.

Одевалась она всегда, по мнению Юрика, очень просто, даже примитивно: платья все тёмные, невзрачные, ни о какой моде или современном покрое говорить не приходится. Пара поношенных кофт, фиолетовое загрубелое пальто, купленное ещё в те времена, когда отец, вернувшись с целины, только начинал ухаживать за ней. Ещё есть весенняя синтетическая куртка и тёмный платок.

Увидишь её издали в таком плаще или пальто и невольно примешь за старуху. Юрик всегда издали узнает её. Хоть отца увидит на улице, хоть мать — всегда отчего-то тревожно и неловко становится.

Вечера у них в доме тоже проходят скучно: трезвый отец порой не знает, чем заняться. Мать готовит ужин. Иногда отец дразнит её, и они начинают в шутку бороться, валяются по дивану. Юрик ввязывается их разнимать, выступая на стороне матери. Отец без труда побеждает их обоих. Веселая потасовка заканчивается, и в комнате снова наступает тишина.

Иногда отец присаживался рядом с матерью на диван и смотрел на неё так, будто видел в первый раз. Лицо её было раскрасневшимся от борьбы, она тяжело и весело дышала, смотрела вперёд, в свою непонятную задумчивость.

Отец шутливо впускал ей волосы грубой и в то же время очень ловкой рукой: короткая стрижка серых, неопределённого оттенка волос

взлетала в воздух, наполняясь светом из окна, становясь похожей на придорожный василёк.

— Любви на свете нет и не может быть! — произнёс отец однажды вечером ни с того ни с сего, когда они с Юриком сидели дома и смотрели телевизор, а мать в это время была на кухне, готовила на газовой плите ужин. Вроде бы и трезвый глава семьи, а странный разговор... Мать удивлённо обернулась от плиты, продолжая помешивать ложкой в парящей кастрюле. Она смотрела на отца, который, в свою очередь, тоже смотрел прямо на неё, словно фраза о невозможности любви была произнесена точно по адресу. — Она, любовь эта самая, объявится на минуту, потом исчезает — будто и не было её совсем...

— Значит, она всё-таки есть! — осмелился возразить сын. Впервые он открыто перечил отцу. Юрику показалось странным, что отец сам, первый, заговорил о таком странном предмете, как любовь. Юрик и слово-то это презирал всей своей неокрепшей мальчишеской душой — «любовь»... Всегда был уверен, что её нет, она выдумка, которой взрослые люди морочат себе головы. И половина любого, даже самого захватывающего кинофильма-боевика, заполнена этой самой глупой любовью. Но в тот вечер на Юрика что-то наехало. — Если она, любовь, длится хотя одну секунду, значит, она всё-таки есть! Она вспыхивает и сгорает как молния!

Вот такие слова он вдруг выпалил, почти не задумываясь над их смыслом.

— Какая ещё «молния»? — проворчал отец, отводя взгляд. — Пойми, сынок, если человек любит, то ему от этого беда. Он уже ничего не понимает и сам себе не принадлежит... И ты, парень, ещё намучаешься с этими любовями!

— Почему с любовями? — удивился Юрик. — Мне нужна только одна.

Отец пренебрежительно махнул рукой, усмехнулся: что, дескать, с тобой разговаривать?

— Меня... — Юрик неожиданно ощутил в тот момент большое волнение и решился высказать то, что всегда чувствовал в себе, но чему никак не мог и даже не пытался дать объяснения. В какой-то момент он увидел в зеркале отражение своего маленького круглого лица, усеянного коричневыми веснушками. — Меня никто никогда не полюбит!

Мать замерла возле плиты с порожней тарел-

кой в руке — собиралась накладывать кашу. Отец встал с дивана, подошёл к телевизору, чтобы выключить рекламу, обернулся, выгнув шею, как это он всегда делал в минуты душевного напряжения, и посмотрел на сына так, словно сто лет его не видел. Насмешка взгляда постепенно переходила в затаённую жалость — экий нескладный вырос мальчик! Все ребята-одногодки намного выше его ростом. На уроках физкультуры Юрик стоит в шеренге последним. Он, кстати, не любит стоять в шеренге — это всегда казалось ему унижительным.

— Это ещё надо подумать, кто кого не полюбит... — ответил задумчиво отец. Насмешка окончательно улетучилась из его голоса. — Тогда тебе самому придётся любить вдвое сильнее, только и всего... — его постаревшее трезвое лицо осветилось мерцающим бледным светом экрана. Нажал кнопку, в телевизоре раздался щелчок, экран погас, лицо сделалось тёмным. В доме наступила тишина. Слышно было, как булькает каша на плите. — Такого не бывает, чтобы человека совсем никто не полюбил.

Юрику нравилось, что отец разговаривает с ним откровенно, как равный. Что-то хорошее гудело под сердцем, голова кружилась, в глазах появился веселящий туман: Юрика кто-нибудь полюбит!..

— Па, а за что любят? — спросил он в тот странный давний вечер.

Вопрос будто в тёмный колодец упал. Отец опять задумался.

Мать стояла возле газовой плиты. Лицо закрыла ладонями, словно от жары.

— Ни за что, просто так, — ответил отец, пожав плечами.

— Нет, не просто так... — сын никак не мог согласиться с таким утверждением. — Что-то должно быть. Допустим, кто-то кого-то очень любит, а его в ответ — ни капельки. Разве это справедливо?

— Плохо, — согласился отец. — Но вот что я тебе, юноша, скажу: не бойся ни работы, ни болезни, ни вина, ни даже смерти, но женщин остерегайся на каждом шагу. Да, именно так! Будь всегда начеку, иначе пропадёшь...

Мать отняла ладони от лица и рассмеялась. Смех её был громкий, как никогда. Она смотрела на отца и искренне хохотала, взмахивала ку-

хонной тряпкой, словно мух отгоняла. Велела всем садиться за стол — рисовая каша готова.

Юрик ел кашу, сдабривая её вишнёвым вареньем, и вздыхал — и чего это ему взбрело в голову спрашивать про любовь? Ему надо становиться высоким сильным парнем, солдатом, а всё остальное — чепуха.

...И вот теперь, слушая песню, Юрик смотрел на молодую певицу и думал о том, что любовь, наверное, и в самом деле существует на свете. Ведь это так легко, так просто — полюбить!

Концерт неожиданно закончился. Лысый ведущий поблагодарил зрителей за внимание, поклонился. Зрители поднялись с кресел, как в настоящем театре, и аплодировали стоя.

Цепочка хористов стала удаляться за кулисы. Женщины, приподняв края длинных шуришащих платьев, звонко цокали по доскам каблукками.

Отец смотрел вслед уходящим артистам, иступлённо аплодировал, словно хотел отбить заскорузлые ладони. На лице его застыла странная улыбка.

Женщина, перед тем как скрыться в закулисных сумерках, улыбнулась на прощанье — то ли отцу, то ли Юрику, то ли обоим сразу — на то она и артистка, чтобы все её видели! И помахала белой ладошкой с тонкими пальцами, украшенными перстеньками. Один камешек ярко блеснул.

Отец и сын растерянно переглянулись.

— Где конверт? — отец ощупал карманы, потом вспомнил, что отдал его рабочим. Усмехнулся, махнул шуливо рукой.

Толпа зрителей вынесла их на улицу, на августовский воздух. Было свежо и тепло. Пахло поспевающими яблоками, поблекшей листвой.

На берёзе, напротив клуба, появились первые жёлтые листья. Юрик сорвал листок, поднёс к лицу — слабый запах приближающей осени. На ошупь листок был мягкий, гладкий, с коричневыми жилками.

— Хорошо быть молодым! — воскликнул ни с того ни с сего отец, затем осторожно положил на плечо Юрика свою тяжёлую ладонь. Вид у него был слегка расстроенный. — Когда я был молодым, я не понимал, что такое молодость...

Юрик достал из кармана парфюмерный набор, чтобы ещё раз взглянуть на него, но гладкая коробочка неожиданно выскользнула из рук. Раскатились по асфальту разноцветные квадратики краски, крохотные кисточки. Юрик остолбенел.

— Эх! — воскликнул отец. — Жалко... Ну, ладно, не горюй — купим новый...

Начал доставать из кармана деньги. Их оказалось маловато, и он азартно озирался по сторонам — куда-то запропастились мужики с премией!

□

Александр ТИТОВ

родился в 1950 г. в селе Красное Липецкой области, окончил Московский полиграфический институт, Высшие литературные курсы.

Автор семи сборников прозы.

Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Север», «Литературная учёба», «Новый мир» и др.

Дипломант литературного конкурса им. Н. Островского (1980),

Пятого Волошинского конкурса (2007),

финалист национальной литературной премии для детей и юношества «Заветная мечта-2008» за повесть «Ангелок»,

по мотивам которой снят полнометражный фильм «Ангел», Москва, киностудия «Ракурс» (2011),

лауреат областной литературной премии имени Е. Замятина (2010),

а также областной литературной премии имени И. Бунина (2011)

и премии областного липецкого журнала «Петровский мост» (2012).

